П 219
П 29
34

ПИОНЕР

14

Изд во ЦК ВКП(б) „Правда“ 1935 г.

К борьбе за рабочее дело будь готов!

ПИОНЕР

№ 14

Орган Центрального комитета ВЛКСМ.
Адрес ред.: ул. Горького, 8 тел. 5-60-76.

Июль 1935

На снимке: автор этого очерка тов. Калмансон с кенгуру в Зоопарке.

Неуживчивые австралийцы

Очерк С. Я. Калмансона

Зам. зав. научной частью Московского зоопарка

Сейчас, в июне — июле, в Австралии наступает самое холодное время года. В некоторых частях австралийского материка выпадает снег, температура падает ниже нуля. Но холод длится недолго в этой части света южного полушария. Животным, населяющим его, приходится гораздо чаще спасаться от жары чем от холода.

Самые характерные представители австралийского мира животных — это кенгуру и страус-эму. Как же они защищаются от палящих лучей австралийского солнца? Кенгуру—густым волосяным покровом, а эму—густым оперением. Мех и оперение—прекрасные изоляторы, не пропускающие тепла. Поэтому в Московском зоопарке оказалось возможным содержать эму на большом морозе: оперение, защищавшее его в Австралии от знойных солнечных лучей, в Москве так же хорошо защищает эту птицу от сорокаградусных морозов.

Австралийские животные весьма примечательны и своеобразны и своим видом и поведением, повадками и образом жизни. Кенгуру нередко достигает больших размеров. Но для того чтобы определить его размеры, надо увидеть его во «весь рост». А во «весь рост» он виден тогда, когда становится на задние ноги, опираясь на свой—исключительной мощности—мускулистый хвост. Он выпрям-

П 29
34

Алтайский Вильгельм Телль

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

Николай Тозьма *Рис. Б. Синявского*

Боря приехал на Алтай, в деревню Маралиху, вместе с Геласием Софроновым и его отцом Анкудином Степанычем весной тысяча девятьсот девятнадцатого года. Живя в софроновском доме, он подружился с младшим братом Геласия — черноглазым Афоней. Афоня был старше одиннадцатилетнего Бори на четыре года, но разница в летах не мешала крепкой дружбе ребят.

Анкудин Степаныч, взяв Борю в приемыши, относился к сироте как к родному сыну. Но Борю вначале пугали суровые, густые брови Софронова, и он его побаивался. Старик был высок, широк в плечах, волосы носил длинные, а курчавая серебристая борода его закрывала почти всю грудь.

Софронов только с виду казался суровым. На самом деле он был очень добрый. И Боря убедился в этом, замечая, как старик хорошо относился к животным, птицам и пчелам. Особенно он любил маралов.

О маралах много Боря слышал от Афони и с нетерпением ожидал, когда удастся с'ездить в маральник посмотреть замечательных алтайских зверей.

И вот наступил этот день. Старик собрался в маральник и взял с собой ребят. Рано утром они оседлали коней и покинули Маралиху. По крутому косогору всадники выехали в лес и поехали узкой извилистой тропинкой к маральнику. Мохнатыми лапами царапались пихты, заграждая дорогу. Старик Софронов только голову наклонял пониже да глаза оберегал от колючих веток.

Высокой четырехаршинной городьбою был обнесен софроновский маралий сад. На полверсты он тянулся в длину и настолько же в ширину. Гордо разгуливали между деревьями белозадые саврасые маралы. Склоняя к земле ветвистые рога, они спокойно пощипывали молодую траву.

Почуяв приближение людей, маралы встревожились и, сбившись в кучу, густым облаком унеслись в глубь маральника. Только один остался на лужайке с гордо поднятой головой.

— Это Яшка, — сказал Афоня. — Он у нас ручной, не боится.

Но пока перебирались через городьбу, рогатый красавец исчез как видение, словно растаял. Вот досада! Страшно хотелось Боре посмотреть марала вблизи.

— Ничего, — утешал Афоня, — батюшка покличет, он живо прибежит. Мы его дома выкормили. Он сирота. Он нас знает.

— Яшка, Яшка, Яшка! — ласково позвал старик.

Тихо в мараьем саду. Шишка упала — и ту слышно. Сухой сучок под бориной ногой хрустнул, а треск какой пошел!

— Яшка, Яшенька! Ну подь сюда! Яшка!

Из ближнего кустарника вытянулась на тонкой шее красивая сухая голова марала. Настороженно вздрагивали длинные уши.

— Яшенька! Яшенька! Глупый!

Старик Софронов подошел поближе к маралу. Яшка узнал хозяина и в раздумье протянул голову. Анкудин Степаныч достал из кармана припасенный кусок хлеба. Яшка доверчиво ткнулся теплой мордой в хозяйскую руку.

— Ешь, милый, ешь!

Анкудин Степаныч любовно гладил яшкину голову, нашептывая ласковые слова. Подошел Афоня и почесал маралу шею. Боря тоже погладил мягкую густую шерсть. А Яшка лизнул борину руку и посмотрел на него черными глазами.

Софронов скормил весь хлеб и, отстраняя тянувшуюся яшкину морду, стал уговаривать:

— Ну побегай, побегай! Иди теперь к своим дружкам. Иди!

Они подбежали к убитому маралу.

Яшка тряхнул рогами и неохотно побежал в кусты.

Долго бродил Софронов по мараньему саду. Выпугивая зверей из кустов, старик приглядывался, все ли здоровы, а потом пошел проверять городьбу. Боря остался с Афоней.

— Скоро рога пилить будем! — сказал Афоня и вздохнул. — Жалко!

— Чего жалко?

— Маралов.

— А им разве больно?

— А то нет! Кровь ведь идет, когда режут. Кричать будут.

— А зачем вы рога пилите?

— В Китай продавать. Они дорогие. За каждый фунт рогов фунт серебра дают.

— Да ну! А китайцам на что?

Афоня не знал, зачем китайцы покупают такие дорогие рога. И старик Софронов, когда возвращались назад, не сумел об'яснить. Говорят, лекарство делают, а что за лекарство и от каких болезней оно помогает, неизвестно.

Геласий дома показал Боре маральи рога, снятые в прошлом году. Они лежали в амбаре, на верхней полке. Сам старик Софронов вываривал их в крепком растворе соли, просушивал и хранил с большой заботливостью, ожидая приезда в Маралиху странствующего торговца. Но срезанные рога Боре не понравились: какие-то серые, неприятные ошметки. То ли дело, когда они красуются кустом молодого шиповника на голове зверя!

После Боря частенько ездил со стариком или Геласием в маральник и никогда не забывал прихватить для Яшки ломоть хлеба. Ручной красавец-марал теперь шел на борин зов. Он обнюхивал борино лицо и радостно принимался уничтожать принесенное угощение.

— Корми его, корми! Пусть тебя тоже любит! — шептал Анкудин Степаныч. — Ты сирота, и Яшка сирота. Сам я его в избе выкормил... Матку медведь загубил. Во какой остался махонький... Все боялись: не выживет... А он эка какой красивый да ладный поднялся...

Яшкина смерть

Яшка не дождался с'емки рогов—он погиб. Свидетелем его смерти был Афоня, находившийся случайно неподалеку от маральника. Он принес печальную весть домой.

— Яшку убили! — кричал он, вбегая во двор, бледный и встревоженный.

Анкудин Степаныч выскочил во двор, тряхнул за плечи сынишку:

— Как убили? Ты что орешь?!

— Солдат из ружья, — быстро заговорил Афоня, давясь от торопливости. — На колено встал, прицелился, да как бахнет. Яшка рогами мотнул и упал. Ногами бился как!

Анкудин Степаныч тяжело задышал и забегал глазами по двору. Лицо его покраснело, глаза засверкали. Таким сердитым и страшным Боря никогда не видел старика.

— Седлай лошадей! Где Геласий? Борюк, беги за ним живо!

Боря помчался разыскивать своего старшего друга. Но Геласий словно в воду канул. Боря вернулся домой один.

— Ну где же Геласий? — крикнул Софронов, выводя оседланного коня.

— Не нашел!

Афоня сидел на Серке. Боря взял его за стремя.

— Я к тебе, Афоня, сзади сяду?

— Отца спроси.

Старик Софронов не возражал. Ему было не до Бори. Он думал о любимце Яшке, подыхавшем сейчас от солдатской пули.

— Геласий придет, — пусть в маральник едет! — крикнул Софронов, ударяя плетью коня.

До маральника было версты две, и Боря не заметил, как они проскакали всю дорогу.

У высокого заплота маральника Софронов привязал вспотевших коней, а потом Афоня повел показывать подстреленного Яшку.

Только они вышли на лужайку, как в лесу гулко прогремели два выстрела. Старик от неожиданности остановился, а Афоня побледнел.

— По нас стреляют, батюшка!

Боря первый заметил, как между деревьев пробежал серый пугливый марал и, споткнувшись, полетел на землю, ломая ветвистые рога.

— Попал! — послышался радостный голос.

Из-за куста вышли два солдата в зеленых гимнастерках с винтовками в руках и, не замечая Софроновых, быстрыми шагами направились к подстреленному зверю. Боря увидал на рукавах солдатских гимнастерок нашитые белые черепа, и ему стало страшно.

— Ах, вот как! — сказал Софронов, быстро прикладывая к плечу дробовик. — Маралов губить...

Он выстрелил, не целясь, в бежавшего солдата. Гулкое эхо прогремело в лесу. Синий дым разошелся легкой пеленой, и Боря увидел, как один из солдат не-

ловко сел на траву, а другой быстро отбежал за ствол дерева. Заряжая дробовик, Софронов твердым шагом направился к сидящему солдату. Боря с Афоней пошли следом за ним. Из-за дерева раздался второй выстрел, и Боря услышал, как мимо его уха прожужжал шмель.

— Хоронись за дерево! — крикнул старик и легко прыгнул за ствол громадной лиственницы.

Рядом с ним присел на корточки Боря. На лужайку один за другим выехали верхом солдаты с белыми черепами на рукавах.

«Бежать надо», — подумал Боря и взглянул на Софронова: в какую сторону утекать? Но старик, заметив военных, вышел из-за дерева и смело пошел навстречу всадникам, держа в руках ружье. Следом за ним двинулся Афоня, а за ним и Боря. Раненый, сидевший на траве, тоже поднялся и, опираясь на винтовку, зашагал к всадникам. Из-за дерева вышел и второй солдат.

— В чем дело? — крикнул подпоручик, придерживая за повод танцовавшую под ним лошадь. — Ты ранен, Казанцев?

— Так точно, ваше благородие.

— Кто это тебя?

— Вот он! — раненый кивнул на Софронова.

Подпоручик натянул туже поводья, успокаивая горячую лошадь.

— Так, — сказал он, щуря серые холодные глаза.— Большевик? Бандит?

Софронов тяжело дышал и ничего не ответил.

— Я тебя спрашиваю или нет? Как стоишь перед офицером, бородатый болван!

Старик Софронов расправил седую бороду и поднял голову.

— А я думал, ты не мне говоришь, а этому разбойнику, что в моих маралов стрелял.

— Забрать! К капитану!

Подпоручик пришпорил лошадь и поскакал к лужайке. Следом за ним двинулись всадники. Софронову скрутили руки и погнали как пленника, привязав веревкой к седлу. По дороге у него слетел картуз. Боря кинулся поднимать, но солдат, скакавший сзади, замахнулся плеткой:

— Куда?

Он заподозрил, что Боря хотел бежать.

— Шагай, дедка, веселей! — глумился другой солдат над стариком.—Поддай ходу, поддай!

Наконец, выехали на поляну, где около вывороченного грозою дерева белела походная палатка и курился голубым дымом костер. На дереве, рядом с штабскапитаном, сидел подпоручик и что-то рассказывал Перед офицерами стоял на вытяжку раненый Софроновым солдат.

— Зачем же ты стрелять маралов вздумал?—услышал Боря голос штабскапитана.

— Вижу: зверь бежит... Сяткин и говорит: «Стреляй, Казанцев, в оленя!» Я и пальнул.

— Попал?

— Без промаху, ваше благородие!

— Ну и дурак! — лениво протянул штабскапитан.— Тебя послали, кого стрелять — большевиков или оленей? Ну ведите этого бородача. Допросим.

Солдат подтолкнул Софронова под бок и наставительно шепнул вдогонку:

— Смотри бодрей! Командир веселых любит. Может, шомполами отделаешься.

Старик подошел к офицеру с поднятой головой. Ветер развевал его длинные волосы и седую бороду. Он остановился, выставил одну ногу вперед и крепко сжал землистые губы.

— Ты что разбоем занимаешься? — спросил штабскапитан, пристально вглядываясь в бесстрастное лицо Софронова. — Как ты смел в гусара стрелять? А? Знаешь ли ты, еловая голова, что такое гусар? Знаешь, как называются люди, которые стреляют в гусар?

— Я не знал, что он гусар, — хмуро ответил Софронов.

— Молчать! Не рассуждай, а отвечай на мои вопросы. Ты стрелял в него? Не отказываешься?

— Зачем отказываться. Выстрелил, как увидел, что он оленя убил.

— Выстрелил? Дубина! Хорошо промазал. А если бы ...ы его на смерть?

— На смерть я не хотел, — перебил Софронов. — Я не душегуб. Захотел бы — весь заряд ему в голову всадил. А я слегка, пониже спины, чтоб памятка только осталась. Поди дробины три и попало всего, не более... Я знал, как целил... Убивать я не хотел.

— Выворачиваешься? — строго сказал штабскапитан. — Хитрая ты бестия, однако!

— Зачем мне выворачиваться, господин офицер? Я белку в глаз бью! — гневно сверкнул глазами

Старик подошел к офицеру с поднятой головой.

Софронов. — Сроду не врал. Не буду я на старости лет обманывать.

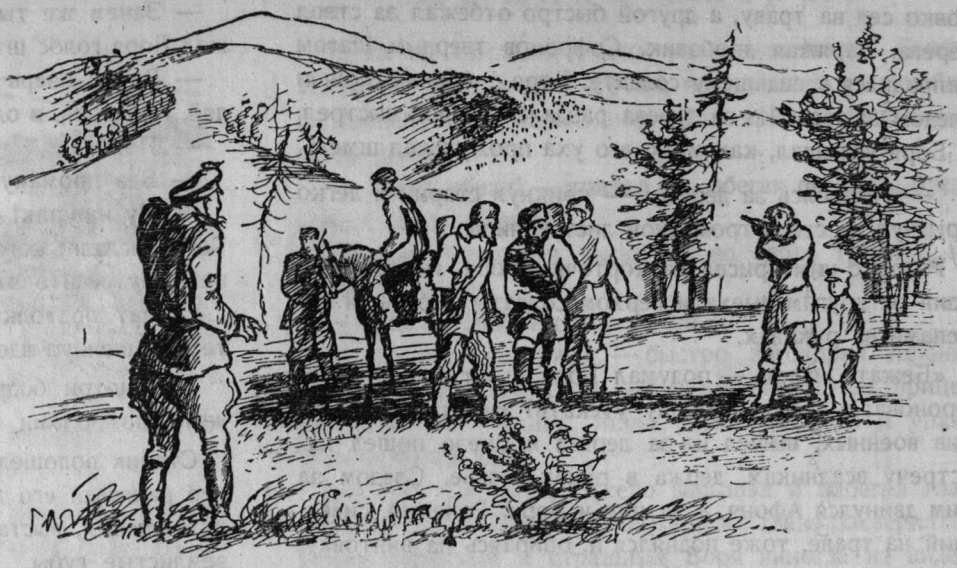
В это время из палатки поспешно вылез взлохмаченный поручик с опухшим багровым лицом и закричал картавым голосом, плохо выговаривая букву «р»:

— Где этот Вильгельм Телль? Я вчера читал Шиллера. Предлагаю возрождение романтизма. Если эта каналья не врет, что попадает белке в глаз, пусть тогда собьет пулей яблоко с головы (поручик кивнул на Борю) своего сына. Слышишь ты, бородач! Попадешь в яблоко — помилуем. Промахнешься — собственноручно шлепну тебя как муху.

— Бросьте, Бобин! — тихо процедил штабскапитан сквозь зубы.— Какая тут к чорту романтика... Тут и яблоков нет.

— Яблоков? Неважно! У меня остался соленый огурец! — не унимался поручик Бобин. — Пусть борода стреляет в огурец. Сяткин! Живо! Принеси огурец из палатки и положи мальчишке на голову. Сейчас мы устроим представление и полировку крови... И сразу выясним, кто этот бородач — алтайский Вильгельм Телль или просто прохвост и хвастун.

И Боря и старик Софронов поняли, какая опасность угрожает им от сумасбродной затеи подвыпившего поручика. Холодные струйки пота побежали по бориной спине, а Софронов еще строже насупил седые мохнатые брови.



Старик отсчитал тридцать шагов и вскинул ружье.

Поручик Бобин

Когда поручик Бобин отправлялся зимой с карательным отрядом белых на усмирение крестьянского восстания, младший брат, гимназист, привез ему на вокзал дорожную корзину. В ней оказалось десять бутылок заграничного коньяку и потрепанный том Шиллера, пожертвованный сестренкой в длинную дорогу. Вначале поручик Бобин выпил с друзьями коньяк, а после принялся за чтение. Но Шиллер оказался менее увлекательным, чем заграничный напиток. Прославленную трагедию великого немецкого драматурга поручик Бобин прочел только весной, когда попал на Алтай, и действительно как раз накануне убийства марала Яшки. Питая большую склонность к романтике, поручик Бобин захотел претворить швейцарскую легенду о Вильгельме Телле в жизнь, и Боре предстояло разыграть роль младшего сына знаменитого стрелка. Гусар Сяткин уже притащил надкушенный соленый огурец, намереваясь возложить его на голову Боре, но штабскапитан, производивший допрос, запротестовал. Боря, стоявший неподалеку от офицеров, услышал горячий спор:

— Мы должны действовать по инструкции, а не по Шиллеру, — говорил штабскапитан. — Население и так относится к нам враждебно, а если мы начнем разводить средневековую романтику, оно поголовно восстанет против нас.

— Это трусость и мещанство! — пыхтел поручик Бобин. — Чорт знает, какое мещанство!

— Пусть! Мы оторвались от своих на сотню верст, и я не желаю рисковать отрядом, — это, во-первых. А во-вторых, Казанцев сам виноват. Совершенно достаточно будет всыпать бородачу сотню шомполов.

— Трусость, трусость!

Штабскапитан настоял на своем. Два гусара вывинчивали из винтовок шомпола. Три гусара боролись с Софроновым, стягивая со старика штаны. Поручик Бобин хрустел зубами, доедая огурец. Боря и Афоня широко раскрытыми глазами смотрели на гусар.

— Сотню горячих! — скомандовал штабскапитан.

Софронова повалили на землю, один гусар сел ему на голову, двое на ноги. На солнце сверкнули два шомпола и со свистом упали на обнаженное тело.

— Держись, дедка! Ожгу!

— Не смейте, не смейте! — закричал Боря. — Дедуш-ка! Не смейте!

— Эй, дать там мальчишке по уху! — рявкнул штабскапитан, и Боря полетел кувырком в траву, оглушенный звонкой затрещиной.

Свистели сверкавшие на солнце шомпола. Тяжело дыша, кряхтел старик. Гусары, собравшись в кружок, наблюдали за поркой и глумились над стариком. Поручик Бобин курил папиросу, разговаривая со штабскапитаном. Боря лежал на траве и глотал слезы ненависти и обиды. Связанный Афоня тоже плакал.

Но... что это? Кто это вдруг выстрелил, и почему штабскапитан, взмахнув руками, упал на землю? Второй выстрел, третий. Еще гусар упал. А тот захромал... А те бегут за винтовками... А те убегают в лес.

— Геласий! Геласий! — закричал Боря, поднимаясь на колени.

Геласий бежал и стрелял на ходу. Кругом заходили маралихинцы. Гусары, не успевшие добежать до вин-

товок, подняли руки. Вооруженные убегали в лес, но навстречу им шел Аверьян Селифоныч с мужиками.

— Бей в лоб! Бей!

Геласий кинулся к отцу, и старик Софронов, шатаясь, встал на ноги. Понурив головы, стояли обезоруженные гусары, окруженные плотным кольцом возбужденных маралихинцев.

— Подлецы вы!.. За что старика опозорили! Разбойники!

— Постой, постой! — закричал Софронов. — Ты думаешь погоны сдернул, так я тебя и не узнаю. Выходи сюда, господин офицер. Нечего за солдатские спины прятаться.

Гусары поспешно вытолкнули из своих рядов поручика Бобина, и он стоял перед маралихинцами с посеревшим лицом.

— Огурец слопал, гад! Ну что ж, тебе же хуже... Боря, найди-ка шишку сосновую.

Нижняя челюсть у поручика затряслась и отвисла.

— Не пугайся, ваше благородие! Не промахнусь! Разве что рука дрогнет после такой бани. Да уж это вина не моя, а командира убитого. В случае чего, на него пеняй.

Боря принес сосновую упругую шишку.

— Отдай таду этому. А ты клади себе на голову поверх фуражки. Да стой смирно, не шевелись. А то в рот залетит ненароком.

Маралихинцы с большим недоумением смотрели на Софронова. Они не понимали странных распоряжений старика и не догадывались о его намерениях.

— Чудно кажется? — хитро спросил старик. — Об'ясни, ваше благородие... Кто это сыну родному на голове яблоко-то стрелял?.. А?

— Ва... ва... ва... ва... — начал заикаться поручик.

— Да говори толком, — рассердился старик и поднял ружье.

— Ва-ва-льгельм... Та-татель...

— Вальгельма? Так! Теперь слушайте, маралихинцы. Прискакал я давеча в маральник с ребятами и вижу, как гусар второго марала решает... Сердце у меня закипело. Приложил я берданку да пониже спины и трахнул ему. Не хотел я из-за зверя человека губить. Пусть, думаю, памятка солдату останется, и хватит с него. Так я и командиру убитому об'яснил. А только вот этот офицер выскочил из палатки и начал мои слова порочить. Он, мол-де, хвастун, следы заметает, а если, дескать, не врет, пусть свою меткость докажет. Пусть он, как Вальгельма, у своего мальчишки соленый огурец с головы сшибет...

Маралихинцы негодующе загудели и засверкали глазами.

— Ну что ж, я докажу тебе, ваше благородие. Шишка поменьше огурца будет, но ты сам виноват: поторопился огурец с'есть. Теперь стой, не шевелись.

Старик отсчитал тридцать шагов и вскинул ружье к плечу. Лицо поручика Бобина стало белее извести. Он перестал дышать.

— Б-бах! — прогремел выстрел, и старик, вгоняя второй патрон в ствол ружья, сказал:

— Поищи, Боря, еще шишечку да принеси господину офицеру.

Поручик Бобин вытер пот со лба и тоскливо оглядел маралихинцев. Но ни в чьих глазах офицер не встретил сочувствия. Он взял из рук Бори сосновую шишку и положил на фуражку.

— Не шевелись, ваше благородие. Сам же придумал забаву, вот и забавляйся.

Второй выстрел прозвучал также оглушительно, и опять старик сказал ласково:

— Ну-ка, Боря, шишечку... Что, не нравится игрушка, ваше благородие? А как же ты думал, что моему мальчонке она понравится? А?

Он снова вскинул ружье и снова прогремел выстрел.

— Боря, поищи шишечку!

Боря держал уже шишку наготове, да и в запасе имел еще одну. Он знал, что в обойме пять патронов.

— Предпоследняя, ваше благородие. Стой ровнее!

Поручик Бобин стоял как истукан. Он даже не моргал, и только слюна, стекавшая по небритому подбородку, свидетельствовала о большом волнении офицера.

— Последняя. Смотри веселее, ваше благородие. А может, тебя трахнуть в лоб, чтобы ты пакости не разводил больше? А? Не бойся... Мое слово твердое. Нарочно не трахну. А если промахнусь, так значит тебе на роду написано от софроновского ружья умереть. Ну-ка голову повыше! Вот так... Теперь стой...

Пятая шишка слетела с фуражки поручика:

— Твое счастье, ваше благородие, — сказал старик Софронов, опуская ружье. — Не вышел твой срок жизни.

Но поручик Бобин пошатнулся и грохнулся на землю. Его окружили удивленные маралихинцы.

— Чего это он?

Аверьян Селифоныч, имевший касательство к больным и покойникам, приложил ухо к груди поручика.

— Представился!—сказал начетчик.—Разрыв сердца, должно быть, со страху приключился.

Убитых гусар похоронили. Пленников решили отправить в Маралиху. При подсчете трофеев оказалось, что маралихинцы приобрели сорок две лошади, тридцать девять винтовок, три офицерских нагана и четыре тысячи патронов.

— Теперь нам дорога одна — в партизаны, — сказал Софронов. — Думал я, отсидимся мы в норе, да не вышло по-моему.

В этот вечер на общем сходе все мужское население деревни, способное носить оружие, вошло в маралихинский партизанский отряд «горных орлов», а Анкудин Степаныч был единогласно избран командиром.

„Артеку“ десять лет

Перед вами «Артек». Это нижний лагерь. В этих летних домах живут ребята. Повыше есть еще один лагерь—верхний—в большом каменном доме.

Это замечательное место — «Артек». Жалко, на фотографии не все видно, не видно Аю-дага: он слева. Это большая Медведь-гора. Она и вправду похожа на медведя, который пьет воду из Черного моря. Высота горы — четыреста метров. Пионеры каждой смены взбираются на нее. Это не очень легко.

Справа мыс. За мысом городишко Гурзуф. Там больше ста лет назад жил Александр Сергеевич Пушкин. Многие думают, что он бывал в Артеке.

Только Артек был тогда совсем диким и пустынным местом. Урочище Артек, так его называли тогда.

Теперь в «Артеке» пионеры. В каждую смену там отдыхают по пятьсот человек, а за десять лет в нем побывало 14 тысяч ребят.

В «Артеке» отдыхают лучшие ребята: лучшие ударники учебы, лучшие дозорные урожая, ребята, спасшие поезд, ребята, сами вырастившие хороших телят в колхозе.

В «Артеке» очень хорошо. Одно море чего стоит. Вы видите на фотографии далеко в море две скалы. Это скалы Одолары. До них считается 3 километра. Туда ребята ездят кататься на лодках. А некоторые взрослые из «Артека» добираются вплавь.

Ребята в «Артеке» отдыхают, но не бездельничают: кто на технической станции мастерит, кто в музее, у тети Шуры, возится, кто змей ловит, коллекции собирает. Все это очень интересно.

Редакция «Пионера» выезжала в «Артек» на праздник десятилетия. В № 16 журнала мы напечатаем все то, что мы оттуда вывезли: легенду о медведе-серой горе, рассказы о том, как путешествовали кипарисы и лавры, заселившие «Артек», рассказ о жизни основателя «Артека» — старого большевика З. П. Соловьева, письма ребят из «Артека» и многое другое.

Ждите шестнадцатого номера.

Во дворце Лихновского

Н. Александров

Рис. В. Цельмера

Осенью 1792 года по дороге в Вену, увязая в грязи, ковыляла почтовая карета. От измученных лошадей шел пар. Кучер то шел рядом с лошадьми, то вскакивал на козлы. Пассажиров было двое. Они качались вместе с каретой, на ухабах стукались головами, извинялись и снова стукались. Один из них — полный, в парике с косичкой — искоса посматривал на своего случайного спутника. Спутник упорно молчал, кутаясь в плащ.

«Рябой, лохматый и одет как-то так... неряшливо. Бес его знает, кто он такой? Этакое время! Всякий сброд шныряет по дорогам».

Да, время было тревожное. Дорога шла неподалеку от французской границы, а во Франции вот уже третий год гремела революция. Уже третий год Франция была в каком-то неистовстве. Гнев народа вот-вот переплеснется за пределы Франции и тогда...

Карету тряхнуло на выбоине.

— Что за дорога! — пробормотал пассажир с косичкой. — Извините, далеко ли едете?

— В Вену, — буркнул спутник.

— В Вену? А откуда изволите ехать?

— Из Бонна.

— Извините и не сочтите за пустое любопытство, скажите, кто вы?

— Человек.

— Хе!.. Шутник вы, я вижу! Звание ваше?

— ... Музыкант.

Пассажир с косичкой улыбнулся и успокоился.

— Музыкант, — заговорил он уже другим тоном. — И, верно, едете в Вену за славой? Верно, хотите быть вторым Гайдном?..

— Нет!

— ... или вторым Моцартом?

— Нет! Я хочу быть первым Бетховеном.

— Бетховеном?.. Это кто же?

— Я.

На повороте карета совсем увязла в грязи. Кучер, ругаясь, спрыгнул с козел. Пассажиры тоже вышли из кареты. Моросил дождь, и уже стемнело.

Вдруг издали послышался глухой ритмический шум. Все ближе и ближе. Пассажир с косичкой заволновался, бросился к лошадям и бестолково засуетился, понукая лошадей и браня кучера. А Бетховен стоял в стороне, напряженно всматриваясь в мутную даль. Показались факелы.

— Они подходят! — радостно крикнул Бетховен.

— Кто? — спросил кучер, отходя от лошадей.

— Солдаты революции!

Пассажир с косичкой что-то пробормотал и нырнул в карету как мышь в нору.

Когда солдаты с факелами поровнялись с Бетховеном, он сорвал шляпу с головы и, махая ею, крикнул:

— Свобода! Чего еще может желать человек?!

*

— В этом юноше сидит дьявол! — князь Карл Лихновский в восторге потер руки.

— Дьявол? Это интересно... — улыбнулась мужу княгиня Христина.

— Да, настоящий дьявол! Он переиграет любого виртуоза! Они поблекнут перед ним как свечи перед солнцем! — продолжал, захлебываясь, князь Карл.

Ему удалось среди тысячи музыкантов Вены открыть редкий экземпляр. У князя Карла был острый глаз на редкости. Три дня назад, на вечере в салоне князя Кинского, он заметил в углу некрасивого, с лохматой головой юношу.

— Кто это? — спросил князь Карл.

— Бетховен...

— Музыкант?

— О, да! И престранный!

— Смешон?

— Нет, скорее, страшен.

Князь Карл подошел к Бетховену. Мятко ткнув его в плечо двумя пальцами, он затянул было:

— Э-э-э, милейший... — и поперхнулся.

Бетховен взглянул исподлобья и словно две пули влепил в золоченую грудь князя.

Потом Бетховен играл. Это не было игрой: фортепиано кричало тревожно-тревожно. Слушателям стало как-то не по себе. Казалось, за вспотевшими стеклами нет больше веселой, поющей Вены, есть темное поле, над ним — озаренные заревом облака и за облаками — бездна.

Вместе со свежестью утра в комнату ворвался шум города.

И эта странная музыка взволновала князя Карла: он покашливал, ерзал в кресле, чего-то вдруг захотелось плакать, по-щенячьи жалобно повизгивать. Да и весь салон был взволнован не меньше князя Карла.

Бетховен кончил играть. Последний аккорд отзвенел в хрустальной люстре.

— Дьявол, сущий дьявол, — прошептал князь Карл.

В салоне зашевелились, завздыхали, оглядывали друг друга, кто-то неестественно громко звал лакея.

Музыканты столпились у фортепиано и, яростно жестикулируя, кричали:

— Это не по правилам! Вы рушите все формы! Правила, правила запрещают это!

— Запрещают, а я разрешаю! — гордо бросил, вставая, Бетховен.

— Вы разрешаете? — важно сказал почтенный музыкант. — Но разве это музыка? Вы атеист! Бога нет в вашей музыке. У вас бесы скачут по струнам. Кому же это надо? Где же мораль?

— Мораль — это сила!

— О! Это слишком грубо для звуков. Музыка должна услаждать сердца слушателей, звать к небесам.

— А я зову к грязной, корявой земле.

— К греховному?

— К человеку! К свободе его!

Это было уж слишком. Музыканты быстро отошли от Бетховена.

*

Вскоре князь Карл пригласил Бетховена к себе на службу во дворец. Он приставил к нему лакея, подарил лошадь и приказал дворецкому не тревожить господина виртуоза. От лакея Бетховен отказался, просто выгнал его за дверь. Лошадь князя он заменил клячей, купленной на собственные деньги, да и ту как-то, гуляя, забыл в лесу.

Дворецкого же просто не замечал. Завтрак готовил сам, обедать ходил в ближайший трактир. Во дворце он только ночевал и работал. Князь Карл был доволен: «Конечно, это опасный чудак, но какой музыкант! И он у меня». Это льстило Карлу Лихновскому, тем более, что на музыкальных вечерах в салоне князя Бетховен без труда побеждал всех виртуозов и тем самым привлекал к салону всеобщее внимание и зависть. Когда говорили князю: «Ваш Бетховен — безбожник, и мысли у него слишком вольные», князь отвечал:

— Это — не мое дело. Это — дело полиции.

Полиция знала свое дело, но князь Карл Лихновский был знатен и богат, а музыкант Бетховен был только музыкантом. Полиции было секретно предписано впускать в Вену только музыкантов. Значит, вольнодумство музыкантов не так уж страшно, и все спокойно.

Но не все было спокойно.

«Слова словами, но звуки еще свободны»,—часто повторял Бетховен. В последнее время он писал большую симфонию, намереваясь посвятить ее первому консулу французской республики — Наполеону Бонапарту. Бонапарт для Бетховена был светочем свободы человечества. Эту симфонию Бетховен писал такт за тактом, окруженный противниками революции, во дворце аристократа.

*

Летним утром 1804 года проснулся Бетховен. Солнце еще было за горизонтом. Бетховен распахнул окно. Вместе со свежестью утра в комнату ворвался шум города. Каждый город шумит по-своему. Вена шумела особенным шумом: звуки фортепиано, органный шмелиный бас из ближней церкви, где служили монахи мессу, трели женского голоса — тонкие и колкие как иголки, — свист солдатских флейт, рассыпчатая барабанная дробь. Если бы не голоса разносчиков рыбы и зелени, вдохновенно воспевающих свой товар, можно было бы подумать, что Вена — это дом сумасшедших музыкантов.

Бетховен терпеть не мог этого шума: он бил в уши настойчиво и яростно. А уши болели. Гудело в ушах день и ночь, то сильней, то глуше. Временами он не слышал высоких нот фортепиано, а человеческая речь сливалась в бессвязный шопот. Бетховен тряс головой, словно пытаясь вытрясти глухоту, по ночам выстукивал звуки на фортепиано, склоняясь ухом к белым клавишам: слушал, проверял — усиливается ли глухота. В отчаянии кулаком гремел по клавишам и думал, откуда болезнь? Простуда? Или, может быть, от отца? Вспоминалось детство, полутемная чердачная комната, пьяный отец, больная мать, полуголодные братья.

«Говорят от пьяниц рождаются дети со слабым зрением и слухом... Но слух был у меня тонкий... А, может, это все от простуды?» Как он был неосторожен! Когда-то, разгоряченный прогулкой, он распахнул окна и двери и сидел на сквозняке.

Болезнь свою он таил. Кому он мог сказать о ней? Князю Карлу? А кому же нужен глухой музыкант, слепой живописец, безногий лакей? Сказать музыкантам? Их радость была бы бесконечна!

Бетховен захлопнул окно.

Вымылся до пояса холодной водой и крепко растер мускулы. Вода освежила его, смыла усталость. Вчера поздно ночью он дописал последнюю строчку симфонии.

«Ну она не для Вены», — думал он, просматривая рукопись.

Вскоре пришли навестить Бетховена знакомые музыканты. Они сидели долго. Вспоминали беднягу Моцарта, вдова которого живет в нищете...

— Я хорошо помню его, — с грустью говорил Бетховен. — Лет десять назад, может быть, больше, я был у него. Он сидел в кресле больной и усталый. Я играл, он слушал и вдруг вскочил с кресла и сказал: «Слушайте! Этот юноша скоро заставит заговорить о себе весь мир!» Бедняга, он ошибся. О музыканте Бетховене многие ли знают за пределами Вены? А что Вена?

Скрипач Рис погрозил пальцем:

— Вы несправедливы, маэстро. Вас играют и любят в салонах.

— Любят? — вскричал Бетховен. — Играют? Поиграют и выбросят, как бедного Моцарта. В общую могилу...

Бетховен взял со стола рукопись новой симфонии, бросил ее Рису на колени:

— Отправьте!

— Кому?

— Бонапарту.

— Императору? Это хорошо, вы пойдете в гору.

— Какому еще императору? Бонапарт — первый консул республики!

— Был, дорогой маэстро! Теперь Франция — империя. Бонапарт — император.

Бетховен схватил рукопись и выдрал заглавный лист.

— Император! Значит, он не больше простого тирана. Теперь он будет помыкать народом, как до него толстощекие короли Бурбоны... Нет!..

Размашисто на новом листе написал Бетховен: «Героическая симфония».

Так лучше; не тирану, а народу посвящает он свою симфонию. Да, ему. Летят коронованные головы, качаются троны, сменяют один другого марионетки-короли, а народ живет вечно и вечно полон героизмом, потрясающим троны.

*

В этот день был особенно угрюм Бетховен. Он бродил по веселым, нарядным улицам, опустив голову и не замечая никого. За обедом в трактире он закрылся от любопытных газетой. Когда какой-то весельчак попробовал заговорить с ним и присел к его столику, Бетховен закричал:

— Уйди, мерзкая рожа! — и выбежал вон.

В тот же день, вечером, в салоне князя Карла был концерт. Вереница экипажей с фантастически наряженными слугами стояла у дворца. Французские офицеры новоиспеченного императора Наполеона были специально приглашены послушать «венского мастера» Людвига Бетховена.

В концерте играли скрипачи, флейтисты, знаменитая певица Мальфати пела виртуозные итальянские арии, декламировали актеры.

В конце должен был играть Бетховен. Но в салоне его не было. Князь Карл с беспокойством посматривал на дверь, в которую должен был войти Бетховен. Вместо него вошел дворецкий и, почтительно склоняясь, шепнул князю на ухо:

— Не хотят-с...

— То есть как это не хотят?—возмутился Карл.— Его ждут...

Князь Карл решил сам сходить к Бетховену. Он правда, немножко побаивался своего музыканта, но, захватив для храбрости французских офицеров, постучал в дверь. За дверью слышались равномерные шаги. Бетховен ходил из угла в угол.

Князь Карл приоткрыл дверь:

— Милейший маэстро, я за вами, — ласково сказал он.

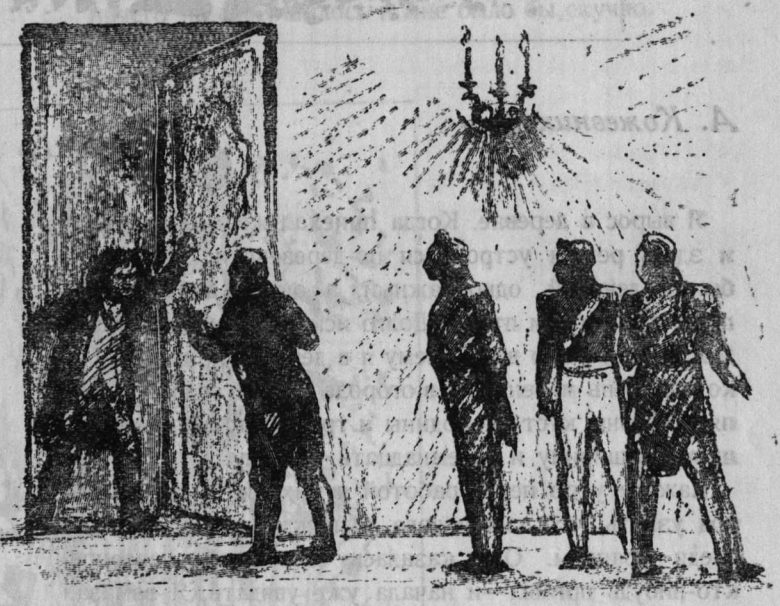
Французские офицеры с любопытством заглядывали в дверь.

В комнате горели свечи у фортепиано, на фортепиано в беспорядке лежали рукописи, ноты.

Бетховен распахнул дверь настежь и крикнул в упор:

— Не пойду!

— То есть как это не пойду?! — вдруг взвизгнул князь Карл.



Бетховен распахнул дверь настежь и крикнул в упор: „Не пойду!"

Он схватил Бетховена за руку и зашептал, брызгая слюной, на ухо:

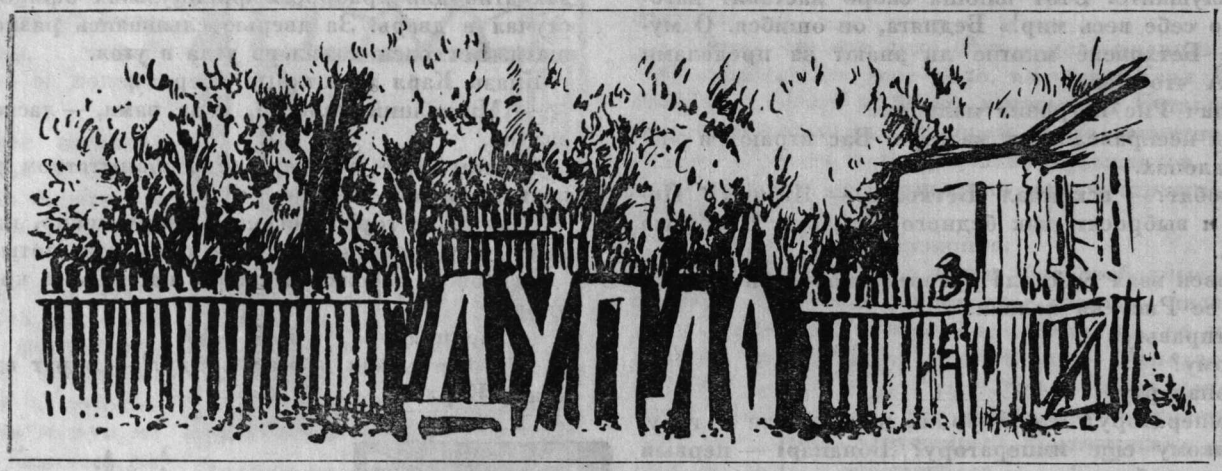
— Французские офицеры, эрцгерцог, князь...

Бетховен взял его за плечи, вытолкал за дверь и дверь запер.

«Выгнать! Сейчас же выгнать!» — в бешенстве подумал князь Карл, но тотчас же раздумал, вспомнив, что до приезда Бетховена его салон не имел и доли той привлекательности, какую он имеет теперь.

Бетховен ушел сам из дворца, оставив на фортепиано записку:

«Князь, то, что вы есть, — простая случайность рождения. Князья есть, и будут их еще тысячи. Бетховен — только один».



А. Кожевников

Рис. П. Митурича

Я вырос в деревне. Когда приехал жить в город, то и здесь решил устроиться по-деревенски: чтобы дом был маленький, одноэтажный, а около дома огород, пруд, сад и в нем птицы. Долго искал и, наконец, такой дом нашел. Было все, к чему я в деревне привык, только все очень маленькое: в огороде четыре грядки, сад — пять яблонь, куст смородины и три липы; пруд — девять шагов в ширину и восемнадцать в длину.

Каждое утро перед работой я выходил в сад и огород узнать, что там нового. Однажды нашел березку среди крапивы. Она казалась сломанной — наверное, кто-нибудь примял — и начала уже увядать. Я замазал перелом глиной и забинтовал тряпкой. Березка зазеленела. В другой раз, заметив, что нижние ветки смородины поникли до земли, подставил к ним подпорки. В третий нашел шмелиное гнездо в траве и отметил его колышком, чтобы не наступили. Ходил я и все думал, что скоро придет такой день, когда я не найду ничего нового и мне станет скучно.

И однажды я было уже решил, что наступил такой день. Я обошел угодья несколько раз, но все было по-старому. Сел на лавочку, прислонился спиной к липе и подумал: «Надо искать новую квартиру, чтобы и огород и сад были покрупнее».

Вдруг над моим ухом что-то пролетело, я услышал шорох, и в ухо стукнулась волна воздуха. В стволе липы, как раз на уровне моего уха, оказалось дупло, а в нем три маленьких голубоватых яйца. На следующий день я уже не думал искать новое, а пошел прямо к дуплу узнать, какая живет в нем пичуга. А новое ждало меня: в дупло заглядывал кот.

— Брысь, мошенник! — Я не нашел, что кинуть в кота, и кинул перочинный нож. Кот прыснул на забор. «С'ел, наверно, зверюга». Нет, не успел: яйца были целы, а на нижних ветвях липы беспокойно стрекотали две пичужки-шилохвостки в серых рубашках: одна с белым фартучком на груди, другая с желтым — зарянка. Обычно веселые, певучие зарянки были ужасно встревожены. Я догадался: хозяева дупла.

«Все равно загубил семью: на липе оставил шерсть и запах, и зарянки не вернутся в гнездо». Я кинулся за котом, чтобы наказать разбойника. Манил, пробовал незаметно подобраться и схватить,— где там: кот вскарабкался на дуб в соседнем огороде.

Зарянки перестали стрекотать. «Не может быть, чтобы осмелились и вернулись в гнездо». Заглянул: пичуги сидели в гнезде.

Уходя на работу, я велел всем домашним стеречь гнездо, а кота поймать и запереть в подполье.

Вернулся с работы, а мне рассказывают:

— Не уследили...

— С'ел?

— Нет, нет! Оставили гнездо без охраны всего на одну минутку, кот подглядел это и запустил лапу.

— И раздавил яйца?

— Не успел, прогнали.

Я решил отдать кота знакомым, на другой конец города, но кот скитался где-то вне дома.

Думала вся моя семья, как помочь пичугам, и ничего не придумала. Днем мы старались охранять, а по ночам гнездо оставалось без надзора. И все-таки оно было цело, кот почему-то щадил его.

«Уж не охраняет ли он? — подумал я. — И вдруг охраняет от меня. Я от него, а он от меня. Вот это история!» Я пошел разведать. И вот вижу: кот у дупла, поводит глазищами — проверяет, бестия, нет ли кого поблизости. Я затаился, и кот меня не учуял. Тут он укрепился на трех лапах, а свободную сунул в дупло: раз — только мелькнуло. Я еле удержался на месте. «Слопает». Вижу и стою. «Все равно слопает, не сейчас, так завтра». Только это меня и удержало. Кот старался — спина у него изогнулась — и сердился —

шерсть стояла дыбом. Он работал минут десять и ушел ни с чем. Дупло было узкое и глубокое, голова в него не втискивалась, а лапа не доставала.

— Ну, пичуги,— сказал я,— ваше счастье. А вылупятся птенцы, уходите, забудьте про дупло!

Кот продолжал навещать дупло. Я ему не препятствовал и за пичуг уже не боялся. Только удивительно мне было, какая огромная любовь и храбрость в маленьких птичьих сердцах. Такую любовь и такую храбрость найдешь разве что у человека.

Кот был умен: он понял, что взять зарянок в доме ему не удастся, и начал подстерегать их за порогом. Он перестал заглядывать в дупло, а устраивался пониже и ждал, когда пичужки вылетят. Лапа все время была наготове.

Но зарянки разгадали эту хитрость; они отсиживались, когда кот был около. Пересидеть их коту не удавалось.

Появились птенцы.

«Ну, теперь улетят». И я все следил — куда: мне не хотелось терять из виду это храброе семейство. Ждал все лето. Не улетели, так и остались до осени. И больше того, на другой год прилетели и снова поселились в том же дупле и на третий — в том же.

Кот больше не заглядывает в дупло и не запускает лапу. Отказался он и от хитростей. Я заметил, что он обходит липу, где ему нанесли такое поражение. А если иногда проходит, то обязательно ускоряет шаг и совсем не интересуется зарянками. А они щебечут и поют безумолку. Про него, наверное, старые рассказывают молодым, как они посмеялись над разбойником и отомстили за всех зарянок, обиженных им.

Так вот какие бывают истории на участке, где всего только пять яблонь, три липы и один куст смородины. Я живу на нем третий год и не помню дня, когда бы ничего не совершилось и мне было бы скучно.

ПОЧТА доктора Звенового

Дорогие товарищи! Я уезжаю. Куда,— это пока секрет, приеду, расскажу. Живите весело, не ссорьтесь!

Попросите доктора Звенового взять на себя переписку с деткорами.

Я ему за это привезу... еще и сам не знаю, что привезу, но непременно привезу.

С приветом Тут-Итам

Письмо Юры Зотова
Краснодар, ст. Пашковская, улица Гоголя, д. № 24,

Моя лодочка

Я решил сделать килевую лодочку размером в 1 дециметр. Я пошел, нарезал вербы и начал строить. Вся она сделана из вербы, а под дном я поставил мотор. Мотор я сделал так: вбил впереди маленький гвоздик, сзади поставил жестяную кобылку, в кобылке сделал дырочку, сделал жестяной винт. Потом я взял резинку и прикрепил к ней кусочек проволочки. Привязал к гвоздику резинку и продел концом проволоки в дырочку кобылки. Эту проволочку я соединил с винтом, и лодочка моя была почти готова. Тогда я стал отделывать ее с внешней стороны: поставил на лодочку белый парус, устроил жестяной винт, выкрасил верх в зеленый цвет, а низ — в красный. Лодка была совсем готова. Когда краска высохла, я пошел к воде. Собралось очень много ребят, которые хотели посмотреть, как поплывет моя лодочка.

Я накрутил винт и пустил лодку по воде.

Она поплыла довольно быстро, только немного качалась.

Письмо Тины Попковой
Кобеляки, Харьковской области.

Бутылка—предсказатель погоды

Ежедневно, без четверти семь, играет будильник в нашей комнате. Я наскоро одеваюсь и выношу на двор термометр. Потом я записываю в книгу результаты показаний термометра. В час дня я наблюдаю за силой и направлением ветра, а также за облачностью. По этим наблюдениям я предугадываю погоду.

Так, по моим наблюдениям, 4 июня в нашей местности должен быть дождь, с 18 по 29 июня — солнечные дни, 3 и 4 июля — небольшие дожди, 15, 16, 17 и 18 июля — снова небольшие дожди и так дальше.

Этими наблюдениями я помогаю папе в его работе. Он работает агрономом, и для него эти записи очень нужны.

Откуда я знаю, когда будет хорошая или плохая погода? Папа об'яснил мне, что погода в нашей местности повторяется через 105 — 110 дней. За основание я беру 105 дней и записываю в свой календарь наблюдения. Если, например, 5 апреля был туман, то значит, через 105 дней, т. е. 19 июля, погода должна повториться. Погода в этот день, по-моему, должна быть пасмурная.

Сильному морозу соответствует сильная жара, сильный иней— сильной росе. Самое главное—это вести точное наблюдение над осадками.

Мы показали письмо Тины Попковой научным работникам Московского гидрометеорологического института. Они внимательно прочли это письмо и вот что нам сказали:

«Наблюдения Тины над природой очень интересны и дадут ей большие навыки, помогут в работе, если она, действительно, хочет стать инженером-метеорологом.

Но Тина делает одну крупную ошибку. Дело в том, что погода не повторяется через 105—110 дней. Ученые своими исследованиями установили, что нет определенного срока повторения погоды.

Тина ведет наблюдения только с января этого года. Это срок еще очень небольшой, и в дальнейшем она, вероятно, сама убедится, что ее предположения неверны. Совпадения же предполагаемой погоды с действительной могут быть, но это не закон, а только совпадение.

Тем не менее работа Тины очень интересна, и мы советуем ее продолжать».

В одном из ближайших номеров журнала мы поместим статью о том, как надо вести наблюдения над природой и как работают метеорологи.

Записи свои я начала вести с 1 января. Ошибки в моих предположениях бывают на день — два. Например, я записала, что 22 июля будет дождь, но он может быть или днем раньше или днем позже.

Когда папа приезжает с участка, я всегда ставлю ему на стол «барометр», который я сделала сама. Он состоит из бутылки со вставленной в середину стеклянной трубкой. В бутылке находится вода, а на бутылке наклеена бумажка, на которой написано: «великий дождь», «дождь», «склонно к дождю», «переменно» и т. д.

Слава, мой брат, этот барометр называет прямо «бутылка» и всегда говорит папе: «Тина уже поставила на стол тебе бутылку».

Мне эта работа очень нравится. И я хочу быть инженером-метеорологом. Когда кончу десятилетку, обязательно пойду в метеорологический институт.

Письмо Паши Куданова
Чувашская АССР, Марпосад, Кузнечная улица, д. № 49.

Случай со змеей

Змеи обычно водятся в тех местах, где влажно и тепло: в оврагах, кустарниках, среди высокой травы. Паша Куданов с отцом неосторожно легли около пенька, недалеко, вероятно, от убежища змеи. В сырых местах вечером опасно разводить костер: змеи ползут на огонь.

Что надо сделать, если ядовитая змея укусит. Тут же надо накрепко перевязать место укуса, чтобы яд не распространялся дальше по телу. Затем вырезать или прижечь укушенное место. А затем надо скорей отвести больного к врачу.

Однажды мы пошли в лес с отцом за грибами. Когда мы вышли из дому, погода была очень теплая, солнечная. Мы взяли с собой хлеба, бутылку воды и яиц.

Папа сказал маме: «Мы к вечеру придем».

Лес был далеко от нас, и по дороге было так жарко, что я снял рубашку. В лесу было много грибов. Мы с папой увлеклись и не заметили, что на небе очень много облаков.

Когда мы уже собрались домой, папа говорит: «Никак не могу вспомнить, в какую сторону нам идти». Мы заблудились. Вдруг пошел сильный дождь. Мы шли, шли, и никак не могли выйти к дороге. А становилось уже совсем темно, и мне было очень страшно. Тогда папа говорит: «Ты устал — давай переночуем в лесу. А утром найдем дорогу домой».

Мы поели, папа постелил свой пиджак, и мы легли рядом около пенька. Я заснул очень скоро.

Проснулся я от удара. Папа сильно задел меня рукой. Сначала я ничего не понял. Потом оказалось, на мне ползла змея. Папа проснулся, увидел и швырнул ее в сторону. Змея рассердилась и зашипела. Я так испугался, что даже не мог закричать. Папа подхватил меня и побежал. Но, верно, змея уж очень разозлилась, потому что бросилась за нами. Папе было тяжело меня нести, и я побежал сам. Вдруг папа радостно закричал. Он увидел человека с винтовкой на лошади. Папа бежал и кричал ему, чтобы он стрелял в змею.

Человек вытащил винтовку, прицелился и выстрелил. Пуля размозжила голову змее, потому что она подползла уже совсем близко.

Папа спросил у этого человека дорогу в деревню. И мы пошли домой. Оказывается, мы ночевали почти у самой дороги.

Письмо Игоря Березина
Красный холм, Калининской области, Красноармейская улица, д. № 30.

Битва монахов с татарами

Игорь Березин начал изучать историю города, в котором он живет. Это—очень интересное дело. Мы знаем многих ребят, которые изучают не только историю своего города, но и улицы, дома. Можно сделать даже альбом «Наш дом» и в нем нарисовать, какой дом был раньше, какой стал те-

Во время нашествия татар в XIII и XIV веках был осажден и наш Красный холм. У нас есть очень большой монастырь (теперь в нем столовая МТС). И, как рассказывают многие, в том числе и наш преподаватель истории тов. Галурин, татары не могли взять монастырь. Сколько раз они ни пробовали его взять приступом, каждый раз приходилось им отходить, теряя своих воинов. Монахи прятались в башнях и сквозь узкие окна обливали татар горящей смолой.

Побито татар было очень много. В конце концов татары были вынуждены отступить.

Когда я услышал этот рассказ, меня очень заинтересовала история Красного холма. Я стал расспрашивать про это стариков—местных жителей.

И вот что я узнал.

Монахи зверски расправлялись с татарами, взятыми в плен. В одну

лерь, кто раньше жил в этом доме и кто живет сейчас. Получится очень хороший альбом. Хорошо узнать историю деревни, в которой живешь, историю нашей родины, того места, где живешь и работаешь.

Письмо Нади, Вали, и Зины Мелеховых
Москва, Ваганьковский пер., д. № 14.

Недалеко от того дома, где живут Надя, Валя и Зина Мелеховы, находится форпост «Красный галстук». Вожак этого форпоста — Лева Листвой. Ребята живут очень весело. У них много кружков: драматический, ритмический, художественный, затейников.

Весь форпост вместе с вожаком выехал в подшефный колхоз. Там они устроили концерт и поставили пьесу «Взрыв». Эта пьеса так понравилась колхозникам, что ребята ставили ее два раза.

из башен долго никто не мог найти входа. И только при советской власти нашли тайный ход.

Когда взобрались по винтовой лестнице в башню, то нашли там семь скелетов, прикованных цепями к стенам. Потом на месте побоищ нашли человека в кандалах, кинжал, старинное ружье, каменный топор.

Я пошел сам на место побоища монахов с татарами. Там сейчас копают песок для стройки. Я сам видел валявшиеся желтые черепа и кости. Вероятно, верно и то, что нашли семь человек, закованных в кандалы.

Меня эта история очень заинтересовала. Я решил подробно изучить историю своего города. Советую сделать это всем ребятам.

Как мы не скучаем

В прошлом году все ребята, которые оставались в городе, очень скучали. А в этом году наш форпост решил: не будем скучать.

Мы составили себе распорядок, план дня и выбрали вожака.

Рано утром, раньше всех ребят, просыпается Леша Туманов. Он встает и бежит будить других ребят на зарядку.

Зарядка продолжается недолго. Потом все ребята идут мыться и чистить зубы. Санитар Валя Егорова осматривает руки всех ребят и следит, чтобы все чистили зубы.

После завтрака мы снова собираемся вместе. Недалеко от нас Парк культуры и отдыха Красной Пресни. Чуть подальше от площадок очень хорошая полянка. Там растут щавель, разные цветы. Мы берем с собой мяч, играем. Устанем, сядем на травку и рассказываем по очереди сказки и рассказы. Лучше всех рассказывает Юра Легчилин.

Однажды мы вместе с ребятами поехали кататься на метро. Поездка нам очень понравилась. И мы решили у себя на дворе тоже сделать метрополитен.

Мы притащили много песку и глины. В середине прорыли тоннели, а вместо рельсов положили тонкие ровные палочки. Эскалатор у нас не получился, хотя нам очень хотелось его сделать. Пришлось устроить просто лестницы из песку. Вокруг лестниц мы посадили белые цветы, и было очень красиво. А на самом верху выложили из травы букву «М». Все ребята с других дворов приходили смотреть на наше сооружение. Но однажды утром мы увидели, что «метро» больше нет. Оказывается, ночью пошел дождь и все разрушил.

Недавно мы были в «уголке дедушки Дурова».

В первой комнате, куда мы зашли, стояло очень много чучел. Руководитель нам стал об'яснять, что это животные и птицы, которые раньше были у Дурова.

В большой банке в спирту лежит сморщенная мартышка. А рядом чучело большой белой собаки-дворняжки. Говорят, что Чехов написал про эту собаку свой рассказ «Каштанка».

Потом нас очень заинтересовали чучела двух аистов: один стоит, другой лежит. Мы спросили руководителя, и вот что он рассказал нам:

В цирке Дурова крыша была сделана из брезента. И однажды брезент прорвался. Прежде чем это успели заметить служащие, два аиста вылетели в эту дыру. Сколько их ни искали, никак не могли найти. И вот однажды приходит к Дурову охотник и говорит: «Недавно я был свидетелем очень странного зрелища. Два аиста стояли друг против друга, кланялись и танцовали. За всю свою охотничью деятельность я подобного случая не знаю». Охотник не знал, что это были дрессированные птицы, и на сцене они привыкли танцовать и кланяться.

Он убил их.

Вообще в уголке Дурова очень интересно. Здесь все наоборот: волк боится козла, кошка в ужасе прячется от мышей.

Советуем всем ребятам побывать в уголке дедушки Дурова.

Почти каждый вечер мы бываем в кино или театре. В плохую погоду собираемся вместе и читаем или играем в какие-нибудь игры.

ФОМА

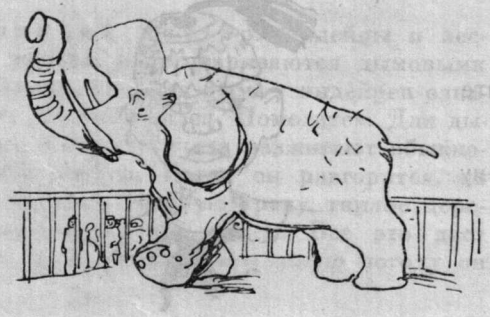
Стихи Сергея Михалкова

Рис. А. Каневского

В одном переулке
Стояли дома,
В одном из домов
Жил упрямый Фома.
Ни дома,
Ни в школе,
Нигде,
Никому,
Упрямо
Не верил Фома
Ничему.

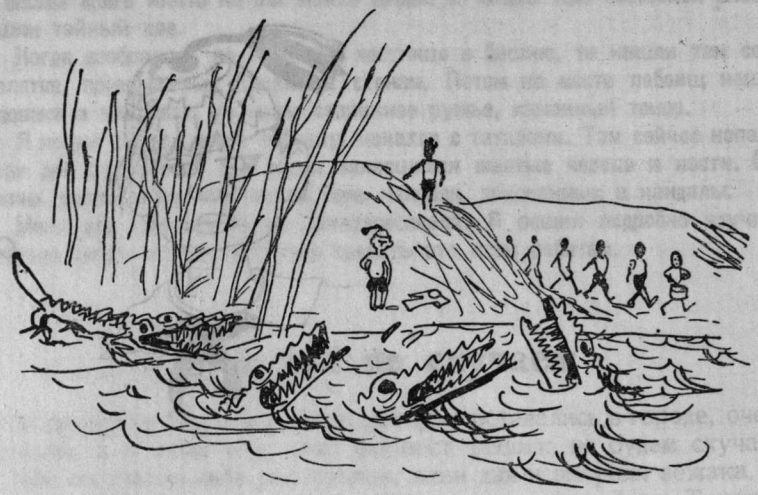
На улице слякоть,
И дождик,
И град.
«Наденьте калоши!» — ему говорят.
«Неправда! — не верит Фома. —
Это ложь»...
И прямо по лужам
Идет без калош.

Мороз.
Надевают ребята коньки,
Прохожие подняли воротники.
Фоме говорят:
«Наступила зима!»...
В трусах
На прогулку выходит Фома.

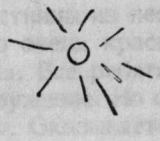


Идет в Зоопарке
С экскурсией он.
«Смотрите! — ему говорят. —
Это слон!»
И снова не верит Фома:
«Это ложь!
Совсем этот зверь
На слона не похож!»

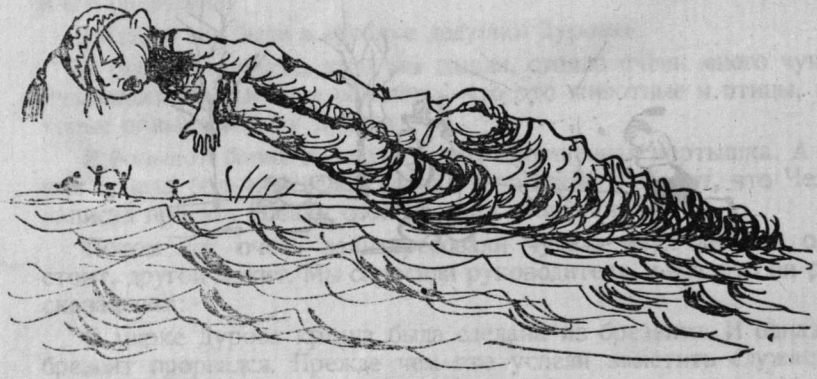
Однажды
Приснился упрямому сон,
Как будто
Шагает по Африке он.
С небес
Африканское солнце печет,
Река под названием Конго
Течет.
Подходит к реке
Пионерский отряд,
Ребята Фоме
У реки говорят:
«Купаться нельзя!
Аллигаторов тьма!»
«Неправда!» —
Друзьям отвечает Фома.



Трусы и рубашка
Лежат на песке,
Упрямец плывет
По опасной реке.
Близка
Аллигатора хищная пасть.
«Спасайся, несчастный,
Ты можешь пропасть!»
Но слышен ребятам
Все тот же ответ:
«Прошу не учить,
Аллигаторов нет!»
Уже крокодил
У Фомы за спиной,
Уже крокодил
Поперхнулся Фомой.



Из пасти у зверя
Торчит голова.
До берега
Ветер доносит слова:
«Непра...!
Я не ве...!»
Аллигатор вздохнул,
И сытый
В зеленую воду нырнул.
Трусы и рубашка
Лежат на песке,
Никто не плывет
По глубокой реке.
Проснулся Фома, ничего не поймет,
Трусы и рубашку со стула берет.
Фома удивлен,
Фома возмущен:
«Неправда, товарищи,
Это не сон!»



Ребята, найдите
Такого Фому
И эти стихи
Прочитайте ему.

КОСТРОВАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

доктора Звенового

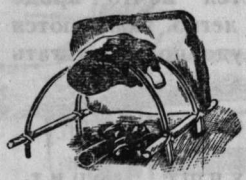
Американский костер изобретен североамериканскими охотниками.

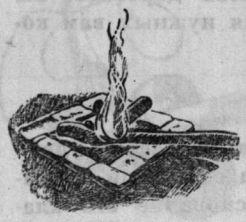
Определите, в какую сторону дует ветер. Затем приготовьте два коротких кола и вбейте их друг от друга на расстоянии в полметра с наклоном в ту сторону, куда дует ветер. Далее, уложите стенкой на колья одно на другое короткие и сухие поленья. Перед стенкой выложите из таких же поленьев прямоугольник и внутри его зажгите небольшой костер. Ветер будет гнать пламя на нижние поленья, они загорятся, по мере сгорания автоматически будут заменяться верхними поленьями. Кроме того такая стенка отражает как рефлектор жар от костра в одну сторону. Американцы часто у костров устраивают такие костровые **рефлекторы** (см. рефлекторы).

День первого костра. Когда юные пионеры только что организовались, комсомол Москвы решил устроить для них праздник и собрать всех пионеров вместе. 3 мая 1922 года был назначен «день первого костра». За городом, к лесной полянке, в торжественном молчании шли цепочкой отряды. Каждый пионер нес небольшую охапку хвороста. Отряд за отрядом проходили мимо места для костра, и каждый пионер бросал на него свой хворост. И скоро грандиозный костер, в котором была частица труда каждого пионера, возвышался среди поляны, а вокруг него сели триста первых пионеров Москвы. Самый маленький пионер подошел и поджег костер. С первыми языками пламени секретарь ЦК комсомола начал рассказ о ребятах — героях гражданской войны.

Дымовой костер. Индейцы и лесные жители переговариваются дымовыми сигналами. Так, два дыма у индейцев означают: «Я заблудился. Помогите». Для дымового костра сначала разжигают обыкновенный костер. Когда он разгорится, на него бросают зеленую траву, гнилое дерево, зеленые ветки сосны. Все это дает много дыма, и в безветренную погоду он прямым столбом поднимается вверх. С помощью дымового костра можно даже переговариваться по азбуке Морзе. Для этого надо натягивать и снимать одеяло над костром. Вспышка дыма, продолжающаяся две секунды, будет точка, а пять секунд — тире; промежутки между буквами — пятнадцать секунд.

Жарение мяса у костра. Американские индейцы изобрели очень простой способ жарить мясо на костре. Рядом с костром они втыкают в землю прут и подпирают его развилкой. К концу прута на веревке или проволоке привязывают деревянный крюк, а на крюк вешают кусок мяса. К крюку привязывают небольшую лопаточку. Горячий воздух от костра вращает лопаточку, и мясо, поворачиваясь, равномерно прожаривается со всех сторон. Оригинальный костер для поджаривания мяса делают из двух гибких, перекрещенных и согнутых прутьев. Они ввиде купола втыкаются в землю над костром. Внизу к прутьям проволокой прикрепляются с двух сторон палочки. По направлению ветра на эти палочки ставится плоский камень — рефлектор (см. рефлекторы). Когда костер прогорит и останутся угольи, мясо вешают на прутья и, поворачивая, поджаривают.





Звездный костер изобретен охотниками, которым на ночь необходимо небольшое равномерно и долго горящее пламя. Для устройства такого костра нужно несколько длинных поленьев или толстых кольев. В ямке с пологими краями разжигают костер, а в него концами по радиусам от костра кладут поленья. По мере того как концы сгорают, поленья снова пододвигают в огонь.

Изобретательность — необходимое качество для устройства костров. Года два назад пионеры ездили на катере по Волге. Однажды им пришлось пристать к песчаному острову, на котором, кроме камней да большого сырого бревна, выкинутого водой на берег, ничего не бы-

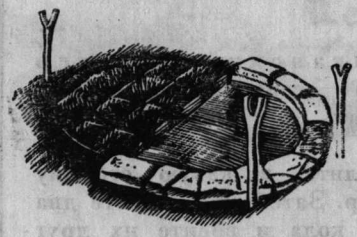
ло. Дрова у ребят были с собой на катере. И ребята быстро догадались, как сделать хороший костер. Рядом со срезом бревна они сложили стенку из камней высотой с бревно. На эту стенку и на край бревна поставили котел, а под ним развели огонь. Получился хороший костер с тягой. Другой раз катер пристал к песчаному обрыву — ребята лопатой ровно стесали край обрыва. Затем сверху, отступя от края на полметра, вырыли яму по диаметру котла. Сбоку, с края обрыва, вырыли к яме отверстие и продолжили его за яму, тоже на полметра. У конца отверстия сделали вторую небольшую яму для дымохода. Затем нарезали из дерна квадратики и сложили из них вокруг дымохода небольшую трубу. В первое отверстие вставили котел, подложили по краям под ушки котла толстые палки, чтобы котел не проваливался. Получилась прекрасная печь, в которой была такая сильная тяга, что пламя даже ревело.

Индейские палочки. Возьмите сухую ветку и топором или ножом сострогайте ее к одному концу, но так, чтобы тонкие стружки оставались прикрепленными у конца палочки. Стружки кудрявятся, и получается нечто вроде цветка. Такие палочки легко зажигаются и хорошо горят. Ими удобно разжигать костер.

Какое дерево лучше горит. Осина и сосна быстро гаснут; пихта трещит и бросает искры; дуб очень медленно разгорается, но дает много жара; береза очень скоро загорается, но и быстро сгорает, ель горит медленно, ровно и без треска. Зная эти свойства деревьев, вы можете подбирать их для нужных вам костров.

Колодец. Такой костер удобно устраивать на снегу или на сыром месте. В основание его кладутся два толстых полена. Поперек них кладутся четыре полена. Поперек четырех — опять два полена, затем на них—четыре, а сверху — три. Внутри колодца кладется растопка и поджигается.

Маскировка пламени. Один из полков Красной армии решил проверить, как далеко виден свет от костра. Дело было зимой. Красноармейцы начали строить шалаши на опушке леса и в глубине его. Оказалось, что даже если огонь разведен в шалашах, легкое розовое зарево видно за полтора километра. Красноармейцы придумали три правила, чтобы скрыть свет костра: 1) плотнее окутывать шалаши и хорошо подгонять двери, 2) двери обращать в глубину леса, 3) устраивать над шалашами навес вроде зонтика из хвои, отражающий книзу отблески огня.



Место для костра выбирайте подальше от строений и деревьев. Тщательно очистите его от сухой травы, листьев, хвороста, хвои и т. п. На три метра кругом костра должно быть так чисто, как на полу. Лопатой или топором вырубите в дерне круг диаметром метра в 1½—2. Затем четырехугольными кусками дерн вынимается из круга. Им обкладывается круг снаружи травой вниз. Когда дерн снят, в центре делается углубление для костра. Таким образом костер окружен барьером из дерна, который не даст углям и головешкам выпасть из костра. Можно выбрать для костра и прямоугольную форму. Перед уходом с места стоянки на костре обязательно сжигаются все бумажки и мусор: после вашего ухода место должно быть таким же, как и до вас. Затем костер заливается водой, дерн снимается и укладывается на старое место. Никаких следов вашего костра не остается.

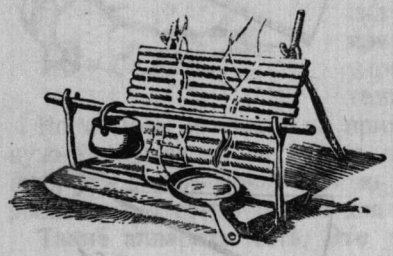
Разжигание костра. Когда место для костра готово и собран хворост и растопки можно приступать к разжиганию костра. Сначала кладут индейские палочки, березовую кору и другие растопки, а на них пирамидкой тоненькие ветки. Это так называемый американский способ зажигания костра. Есть еще русский способ. Из тоненьких веточек складывают нечто вроде сруба колодца, внутрь его кладут растопки. После того как пирамидки или колодец зажглись, на них кладут более толстые ветви. По мере разгорания костра к нему прибавляют все более и более толстые поленья.

Растопки. Самое трудное — зажечь костер, особенно во время дождя, тогда на помощь приходят растопки. Кроме индейских палочек очень хороша березовая кора. Американский натуралист

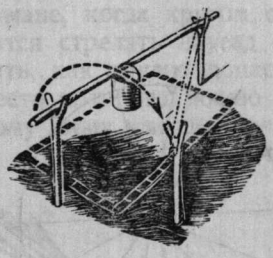
Сэтон Томпсон дает такой совет: «Возьми коры березовой, совсем сухой, с деревьев наломай увядших веток, подбавь сосновых шишек, и огонь загорится как дома в печке».

Самая лучшая растопка — это березовая кора. Найдите поваленную березу и обдерите с нее бересту — самый верхний слой коры, который хорошо загорается. В хвойных лесах берите для растопки нижние засохшие ветки. Они очень смолисты и даже после дождя бывают сухи. Хороши для растопки сухие веточки с облетевшей хвоей. Наконец, неплохо горит и смола сосновых деревьев.

Ею можно обмазать ветки, чтобы они лучше горели. Некоторые новички употребляют для растопки зеленую хвою. Она, правда, быстро загорается, дает много дыма, но зато почти не дает жара.



Рефлекторы костровые устраиваются перед костром ввиде стенки (чем выше, тем лучше) из бревен или камней. Отверстие между бревнами замажьте глиной. Рефлекторы служат трем целям: отражают теплоту вперед, создают тягу для дыма и защищают костер от ветра. Обычно рефлекторы устраиваются по направлению ветра. Костер раскладывается на расстоянии $\frac{1}{3}$—$\frac{1}{2}$ метра от рефлектора.

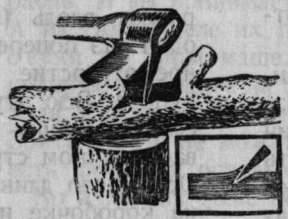


Рогатки или развилки нужны для того, чтобы на костре сварить пищу или вскипятить чай: котелки и чайник подвешиваются на палке, лежащей на рогатках. Конец обязательно заострите, чтобы он легче входил в землю. Неопытные ребята после долгих поисков подходящей развилки и еще более долгого ее вырезывания начинают вбивать рогатки в землю, ударяя по ее концам. Обычно дело кончается тем, что рогатка ломается. Чтобы избежать такой неприятности, надо на концы рогатки положить дощечку или палку и бить по ней. Давление распределяется равномерно на оба конца рогатки. Очень часто приходится наблюдать, как повар, желая попробовать суп или снять пену, плача горючими слезами от дыма, тянется с ложкой к самому огню. Стоит вбить третью рогатку, на которую можно переносить конец палки с котелками, чтобы отставить их от огня, и повар избавится от слез.

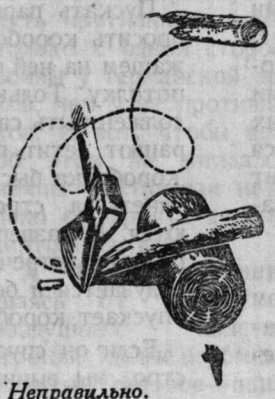
Палку, на которой висят котелки, надо облить водой, чтобы она не загорелась.

Сибирский костер. Сибирские охотники берут четыре толстых полена длиной метра в $3\frac{1}{2}$—$4\frac{1}{2}$ каждое. Одно кладут на землю, а другие три — поперек него, одними концами на землю, а другими — на нижнее бревно так, чтобы эти концы выдавались на $\frac{3}{4}$ метра над бревном и сходились вместе вроде лучей звезды. Лежащие же на земле концы бревен расставляют один от другого на $\frac{3}{4}$ метра. Под выдающимися над нижним бревном концами разжигают небольшой костер, чтобы поджечь концы бревен снизу. Огонь медленно ползет по бревнам, и такой костер горит всю ночь. Надо только раза два встать и подвинуть вперед горящие бревна, когда сгорят их сближенные концы.

Сырые спички — не помеха для быстрого разжигания костра. Стоит лишь с десяток раз провести ими по волосам, как они становятся совсем сухими.



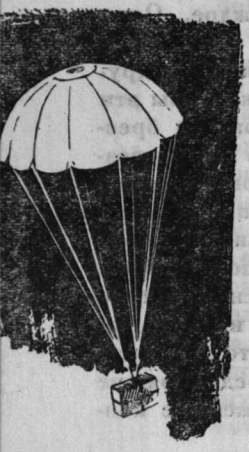
Поавильно.

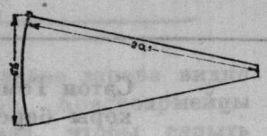


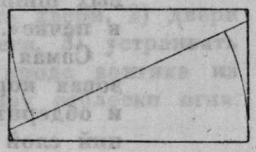
Неправильно.

Топливо самое лучшее для костров — береза, клен, орешник, ясень: они хорошо горят и не дают искр. Сосна дает много дыма. Дуб горит медленно, но дает много жара. Не рубите для костров деревьев: берегите лес. Лучшее топливо — сухой хворост и поваленные деревья. Они суше чем свежесрубленные. Новички, когда рубят хворост, кладут его на бревно и затем ударяют топором по той части, под которой нет поддержки. Топор не столько врубается в дерево, сколько ломает его. Нижний кусок взвивается вверх и иногда угощает неумелого дровосека или его приятеля, подошедшего полюбоваться, синяком. Рубить надо по тому месту хворостины, которое лежит на бревне, направив топор не прямо, а под углом. Тогда топор легко входит в древесину. Обрубать от ствола сучья надо со стороны, противоположной направлению их роста, иначе они будут мочалиться и их трудно отрубить ровно и быстро. Нетолстые поленья и доски рубят, положив их на бревно так, чтобы один конец их выступал над подложенным бревном. Затем наступают ногой на конец, лежащий на земле, и ударяют топором по выдающемуся над подкладкой концу.

ПАРАШЮТ В КОМНАТЕ







Чтобы сделать хорошую модель парашюта, надо взять лист простой папиросной бумаги размером 45 на 70 см, сложить этот лист в восемь раз и начертить на нем карандашом выкройку полотнища парашюта. Надо сделать два одинаковых чертежа, как показано на рисунке. Потом по чертежам надо вырезать ножницами из всей пачки сразу по восемь—шестнадцать одинаковых полотнищ. Два отложить, они пока не нужны: они идут на подклейку уголков и воротничка, но об этом после.

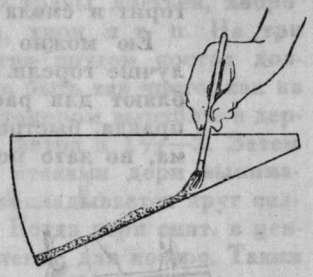
Затем, надо взять крепкую нитку и отмерить на сантиметре отрезки длиной в 60 см. Таких отрезков надо нарезать 14.

Выкроенное полотнище из папиросной бумаги надо акуратно разложить и намазать клеем один край полотнища, на клей положить нитку и закрыть ее краем следующего полотнища. Постепенно накладывая один край полотнища на другой и заклеивая между ними нитки, склеиваем полный круг. В середине у него получается отверстие: оно образуется срезанными кончиками треугольников наших полотнищ. Эта дырочка называется полюсным отверстием и служит для выхода воздуха при спуске парашюта.

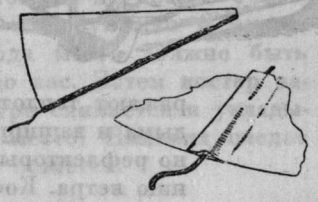
Склеенному парашюту надо дать высохнуть в течение часа, а потом приклеить по нижнему краю парашюта треугольнички, чтобы скрепить концы склеенных полотнищ. Потом наклеить на полюсное отверстие полюсный воротничок. Он тоже служит для укрепления концов. Воротничок делается так: под полюсное отверстие подсовывается кусочек папиросной бумаги и обводится на ней карандашом кружок.

Вынув бумажку, рисуем на ней еще один кружок на сантиметр шире первого и вырезаем такое колечко. Это и есть полюсный воротничок. Теперь, когда все на месте, парашют надо сложить.

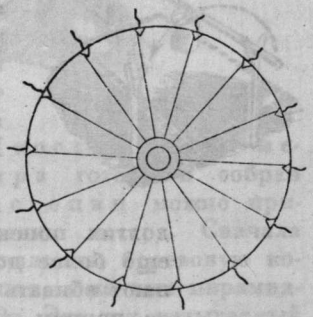
Для этого один из швов с ниткой, который теперь уже называется стропой, кладется на стол и к нему прикладывается следующий шов, а полотнище складывается пополам наружу. Так складывается слева только семь швов. Потом другая половина складывается также снизу — еще семь. Все стропы (нитки) должны лежать ровно двумя рядами одна на другой. Стропы вытягиваются, равняются и связываются узелком по семь вместе. Семь левых и семь правых. Через эти узлы надо пропустить шолковую ленточку и завязать ее вокруг спичечной коробки крест на крест, в коробочку положить камешки.



Потом надо еще раз сложить парашют вдоль (края в середине) и один раз поперек, приложив полюсное отверстие к нижней кромке купола. Всю эту сложенную, но не смятую пачку легко перехлестываем пучком строп, не делая узла. Остальную длину строп укладываем на коробочке и накрываем сверху свернутым куполом.

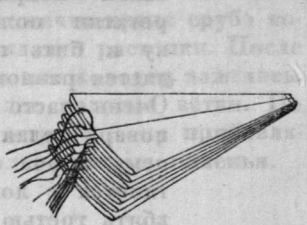


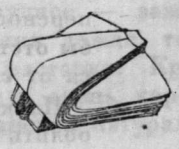
Пускать парашют надо так: подбросить коробочку с грузом и лежащем на ней парашютом к самому потолку. Только непременно купол должен быть сверху. Сложенный парашют летит под потолок. Потом коробочка быстро начинает падать, тянет за стропы, они вытягиваются. В развернувшийся купол попадает встречный воздух, купол надувается и белым цветком плавно опускает коробочку на пол.



Если он спускается слишком быстро, мы вынимаем несколько камешков из коробочки, летит слишком медленно — прибавляем.

Можно сделать парашютик больших размеров, увеличив пропорционально длину и ширину полотнищ. Спускать он будет более тяжелый груз. Одна девочка сделала себе парашют из тонкого шолка. Она сама сшила его на швейной машине. Он тоже отлично работает, но тяжелее папиросного, и его трудно высоко забросить.

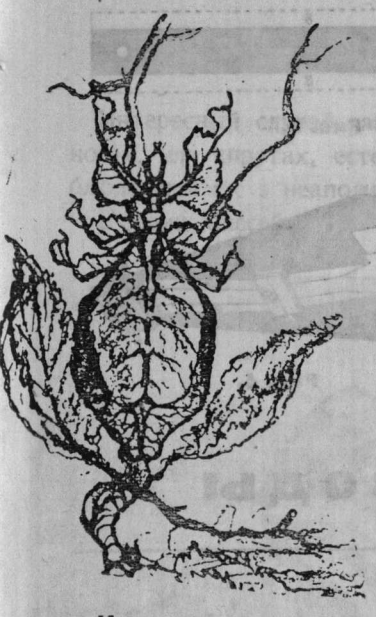




НЕВИДИМКИ НА ВОЙНЕ

Очерк Л. Савельева

Рис. Б. Синявского



На войне каждый человек старается укрыться, спрятаться, чтоб его не видел противник. Труднее всего укрыться от самолета: маленький летающий глаз — самолет — следит за людьми сверху, с неба.

Как укрыться от этого глаза, как обмануть его? Надо стать невидимым. Но разве человек может стать невидимым?

Конечно, может. Ведь все мы играли в детстве в прятки. Спрятаться — это значит стать незаметным, невидимым. И на войне войска применяют все приемы пряток, пользуются всеми укрытиями, лесами, ночной темнотой, туманом.

Но и ночь и туман не приходят по заказу, когда нужно. Нельзя ли научиться самим, по своему желанию, устраивать ночь? Нет ли таких аппаратов, которыми можно среди яркого дня вызвать ночь?

Такие аппараты есть. Это дымовые аппараты. Они заволакивают корабль, танк или отряд людей густой темнотой.

«Поля сражения в будущую войну, — говорит американский генерал Фрайс, — будут застланы дымом. Они будут покрыты тут и там большими и малыми пятнами и клубами дыма.

Каждый, кому случалось охотиться на уток в густом тумане, когда кругом слышно их кряканье и приходится стрелять наугад по их крику, может представить, как трудно попасть в невидимого противника, место которого можно определить только по некоторому шуму или шороху».

Искусственная ночь удобна не всегда. Дымовая завеса делает того, кто ею окутывается, не только невидимым, но и слепым: ведь она непрозрачна с обеих сторон. Надо научиться еще другим способом исчезать из глаз противника.

Как же еще можно стать невидимым?

Знаете бабочку-крапивницу? Пока она летает, ее легко заметить. А когда она сядет на дерево, сразу точно пропадает без следа: так сливается цвет ее крыльев с цветом коры.

Встречали ли вы засохшие сучки, которые, когда вы протягивали руку, вдруг оживали и убегали, шевеля ножками? Кочки, которые внезапно вспархивали из-под ног с писком. Комки снега, которые отскакивали в сторону и удирали, навострив уши?

Вот это-то искусство делаться незаметным на фоне окружающих предметов и есть маскировка.

В грядущей войне все постарается изменить свой вид. На войне будут самые неожиданные превращения.

Пушка и одуванчики — что может быть тут общего? Но германские войска стали остерегаться одуванчиков с тех пор, как французы изобрели «Поляну марки № 1 с одуванчиками». Эти «поляны» из сеток с искусственной травой и белыми пятнышками накидывались на батареи пушек.

Вот заросший мхом пень: на самом деле он пуст — это просто футляр; в нем внутри сидит человек с биноклем и, прильнув к маленькой дырочке, смотрит через нее. Вот зеленый куст с пышной, густой листвой, но совсем без корней: этот куст связан из отдельных ветвей, под ним скрывается пулемет. Вот снежные сугробы: они осторожно ползут по полю: это люди в белых халатах.

В театре не только гримируются, там еще есть декорации. А в кино пользуются при с'емке макетами. Вы видите на экране, как горит дом, как тонет корабль. И вы принимаете дом и корабль за настоящие. А на самом деле их построили специально для кино-с'емки из папье-маше. У дома всего одна стена, та, которую вы видите на экране, а вместо корабля сколотили только один борт. Зачем строить их целиком? Зритель ведь не может протянуть руку и ощупать, есть ли у них остальные части.

Но и летчик тоже не может протянуть руку с неба и ощупать вещи, которые видны на земле. Поэтому и те вещи, которые устраивают на войне, чтобы обмануть противника, делают похожими на настоящие только с одной стороны — сверху. К концу мировой войны у германской армии было гораздо меньше танков, чем у ее противников. И вот, чтобы враг об этом не догадался, немцы выставляли недалеко от фронта десятки картонных танков.

А французы, защищаясь от германских воздушных налетов, строили целые огромные макеты городов—панорамы сверху—точные копии настоящих.

Летчику теперь гораздо труднее догадаться, что делается на земле. Земля лежит внизу как шифрованное письмо, не только шифрованное, но еще нарочно запутанное ложными и лишними знаками. Летчик должен научиться замечать то, что скрыто, и не обращать внимания на то, что выставлено нарочно, для отвода глаз.

Рис. 6.

Рис. 1.

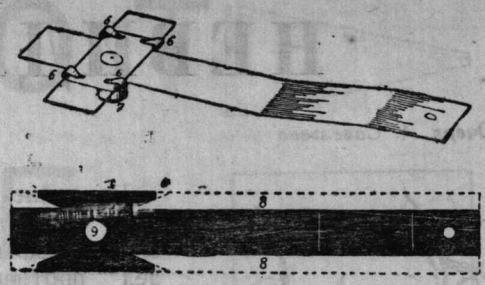


Рис. 3.

Рис. 2.

Рис. 5.

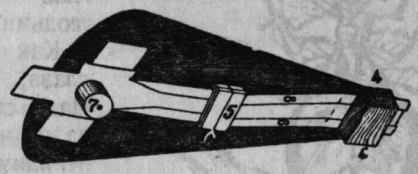


Рис. 4.

Микроскоп из капли воды

Не думайте, что водяной микроскоп—новое изобретение. Давно он построен, еще в 1626 году, больше трехсот лет назад. Стефен Грей придумал этот интересный приборчик. Назвал он его водяным потому, что стеклянный об'ектив—маленькое драгоценное стеклышко, которое очень трудно и дорого шлифовать,—Грей заменил каплей воды. Обыкновенной каплей воды. Русский оптик А. Чикин немного видоизменил микроскоп Грея. Такой микроскоп увеличивает до 100 раз. А если каплю воды заменить каплей глицерина, то увеличение можно получить и больше— до 140 раз. Изготовить микроскоп очень легко.

Главная часть микроскопа—сектор с дырочками (рис. 1)—делается из латуни или цинка толщиной в 1 миллиметр. Его надо акуратно вырезать, тщательно очистить шкуркой и просверлить в узкой части дырку миллиметра в 2 или 3 под винтик (3 на рис. 1), какой найдется. Остальные 3 или 5 (обозначены на рис. 1 цифрами 1—2) дырок сверлятся отступя от края, по дуге, центр которой в винтике 3; дырки от 3 до 1 миллиметра—на равных расстояниях друг от друга. Сверлить надо дрелью и хорошим сверлом. Если нет дрели, можно провертеть дырочки трехгранным шилом. От шила по краям получаются заусенцы, их надо тщательно снять; лучше всего делать это сверлом немного большего диаметра чем диаметр дырок, как показано на рисунке 2. Снять фаску надо только с краев, «раззенковать», как говорят механики, чтобы края дырочек имели скос.

Держатель препарата, стеклышка, на котором лежит рассматриваемый предмет, делается из полоски жести по рисунку 3. Полоска вырезается сперва по пунктиру, затем по сплошным линиям, и кончики 6—6 загибаются, они-то и будут держать стеклышко, как это видно на рисунке. Дырочка 9 имеет диаметр на 1 миллиметр больше чем наибольшее отверстие сектора. Полоска выгибается, как видно на рисунке, а к противоположной от загнутых крючков стороне припаивается маленький жестяной стаканчик 7 (рис. 3) с дырочкой в 2—2,5 миллиметров в дне. Этот стаканчик служит только для того, чтобы свет, освещающий препарат, не рассеивался.

Теперь остается собрать микроскоп. В готовом виде он изображен на рисунках 1 и 4. Две деревянных чурочки (4) служат для крепления винтом подвижной полоски с препаратом. На полоске, как видно на рисунке 4, намотана полоска бумаги (5), обмотанная ниткой (чтобы бумага не раскручивалась). Эта бумажка передвигается вдоль жестяной полоски, отчего стаканчик немного удаляется или приближается к сектору в зависимости от передвижения бумажки в одну или другую сторону.

Вот и вся сборка. Теперь остается наблюдать. Делается это так. Отводим жестяную полоску в сторону от сектора. Она вращается на винтике С и может быть отведена. На стеклышко приклеиваем маленькой каплей воды крылышко комара, или лапку мухи, или головку блохи, вдвигаем стеклышко в загнутые жестяные лапки, а всю полоску—назад так, чтобы рассматриваемый предмет встал перед одной из дырочек, сперва перед большей. Затем заостренной спичкой пускаем в дырочку каплю воды или глицерина. Капля застрянет в дырочке, как на рисунке 5.

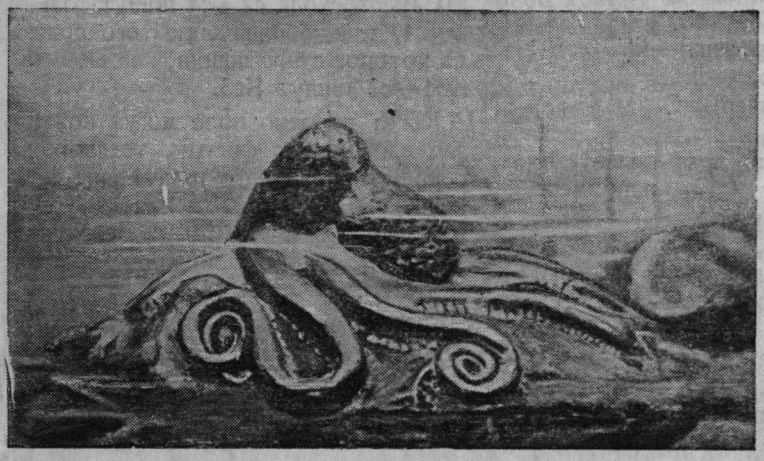
Теперь безбоязненно поднимайте микроскоп к глазам и глядите на лапку комара со стороны капли, направив задний стаканчик на свет (рис. 6). Передвигая бумагу вверх и вниз и приближая и удаляя тем рассматриваемый об'ект от капли, вы найдете наилучшую для своих глаз видимость. Вы увидите крылышко увеличенным в 100 или 140 раз. Микроскоп из капли воды обходится в несколько копеек и заменяет инструмент, стоящий сотню рублей.

С. Б.

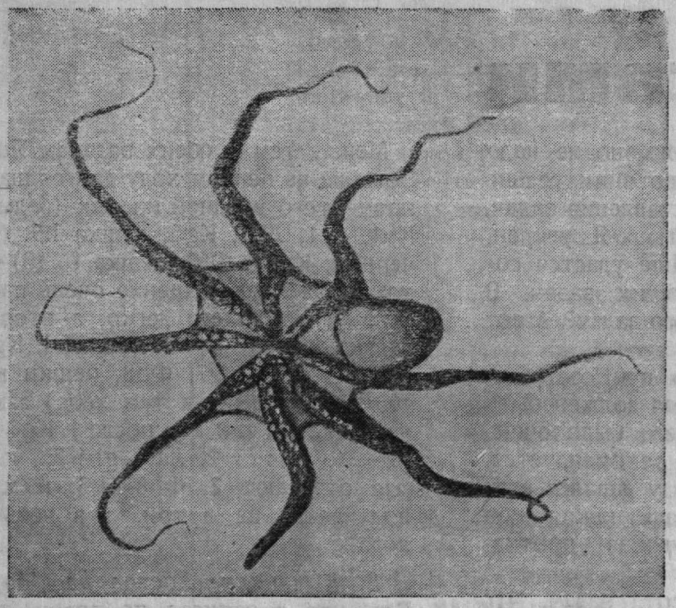
Случай в аквариуме

Интересный случай рассказывает о морских осьминогах, или спрутах, естествоиспытатель Кольман, наблюдавший их в неаполитанском аквариуме.

В один бассейн со спрутами поместили большого краба. Спруты стали осматривать его с большим вниманием. Затем начали кружиться вокруг него. Точно желая обойти врага, они осторожно приближались к нему, протягивая свои длинные ноги наподобие бичей; правда, они тотчас отступали, как только прикасались к твердому, как кость, грудному щиту или могучим клешням краба. Понемногу они успокоились, и только один спрут все еще пытался напасть на краба. Но и он скоро успокоился.



Спрут, подстерегающий добычу



Спрут, присосавшийся к стеклу аквариума.

Краб тоже отплыл в сторону и как будто заснул. Но слишком рано: в то же мгновение его окружили спруты, схватили и опутали так, что он не мог шевельнуться. На помощь к нему подоспел сторож; он схватил весь комок из краба и спрутов, похожий на сцепившихся между собой змей, и освободил краба. Но через час спруты опять напали на краба. Как и в прошлый раз, спруты судорожно обхватили его, причем, как только один из них ослабевал, сейчас же являлся на помощь ему другой.

И спруты и краб катались по дну бассейна, взрывая песок. Вдруг комок распался, и один спрут быстро помчался, волоча за собой краба. Это краб схватил его клешней за ногу, у самого основания, и крепко сжал ее. Он сжимал клешню с такой силой, что нога спрута казалась уже почти отрезанной. И все же упругая, похожая на каучук нога выдержала давление. Между тем спрут, мучимый болью, метался взад и вперед, стараясь стряхнуть своего противника. При быстрых поворотах краб несколько раз сильно ударился о камни и стенки аквариума, и это заставило его, наконец, раскрыть клешню. После этого противники разошлись в разные концы бассейна.

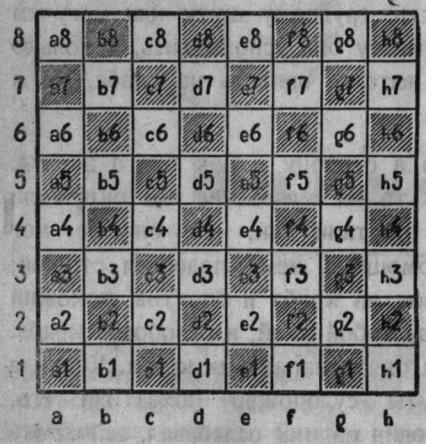
Чтобы положить конец постоянным преследованиям, краба посадили в соседний бассейн. Но надежда охранить его таким образом от нападения спрутов оказалась тщетной: в первый же день один из них перелез через перегородку, напал на спокойно сидящего краба и после короткой борьбы буквально разорвал его пополам и с'ел.

Ребята, напишите, о каких животных хотели бы вы прочитать в журнале „Пионер“.

Для начинающих шахматистов

Как читать и записывать шахматные партии и задачи? Шахматная доска ставится так, чтобы белое поле всегда было справа от играющего.

Доска имеет 64 клетки (половина белых, половина черных), каждая из которых имеет обозначение, состоящее из цифры и буквы.



По вертикалям клетки обозначены латинскими буквами, идущими слева направо: a, b (бе), c (це), d (де), e, f (эф), g (же) и h (аш).

По горизонталям клетки обозначены цифрами, причем счет ведется снизу вверх и от играющего белыми: 1, 2, 3, и т. д. до 8.

Все фигуры (кроме пешек) имеют свои обозначения для записи:

Король—Кр.
Ферзь (королева)—Ф.
Ладья (тура)—Л.
Слон (офицер)—С.
Конь—К.

Для обозначения хода пользуются знаком тире (—), например: d2—d4, Kg1—f3 и т. д.

Когда фигура бьет другую, то употребляют следующий знак: или ×, например: d3 : c4, Kf3 : e5 и т. д.

Когда об'является шах королю, то ставят знак +, а при мате пишут просто мат или ставят знак ×.

Чтобы показать, что сделан хороший ход, ставят восклицательный знак, а плохой — вопросительный знак.

Рокировка в короткую сторону обозначается знаком О-О, а в длинную сторону — О-О-О.

Иногда при записи партий пользуются сокращенной записью, а тогда вместо хода c2—c4 пишут только c4, т. е. обозначение того поля, на которое стала пешка, или вместо Kb1—c3 пишут Kc3.

Когда на одно поле могут пойти две одинаковых фигуры, тогда при сокращенной записи пишут еще букву начального положения фигуры, например: вместо Kb8—d7, если на f6 стоит еще другой конь, пишут Kbd7.

Для того чтобы записывать партии сокращенной записью, нужно хорошо знать доску, а поэтому мы советуем начинающим шахматистам пользоваться полной записью.

Переписка с шахматистами

В № 5—6 «Пионера» мы поместили на обложке позицию и спрашивали, как белые могут выиграть.

Решение этой позиции следующее. Белые не могут брать слона черных, так как черным пат—ничья, и поэтому они ходят:

I. Ka8—b6, угрожая дать мат конем на c4.

Если черные бьют коня слоном—Ce3: в6, то тогда они получают мат Cf4—d2x.

Если черные бьют коня королем Kp a5 : b6, то белые ходом Kc7—d5 + выигрывают слона, а потом слоном и конем дают черным мат.

Правильное решение прислали Григорьев, уч. 3-го класса 24-й школы БОНО (Москва), и Гриша Зайцев, уч. 6-го класса 6-й школы (Москва). Л. Шпекторов хоть и нашел правильный первый ход, но не указал варианта, когда король бьет коня.

Пионер Яша Эстрин, уч. 4-го класса 49-й школы СОНО (Москва), прислал две задачи, составленные им самим. Эти задачи, конечно, составлены еще неумело, но не надо этим смущаться, надо внимательно изучать технику составления задач, побольше их решать. Я уверен, что в дальнейшем Яше удастся составить много хороших задач. В чем же недостатки его задач? А вот в чем.

Основное правило при составлении задач: первый ход должен быть сделан так, чтобы его было очень трудно найти. Не рекомендуется, чтобы на первом ходу давался шах и вообще создавалась какая-либо непосредственная угроза противнику.

В том-то и красота задач, что первый ход всегда с виду как будто никаких опасностей противнику не предвещает, такие ходы называют «тихими», и только в дальнейшем выясняется вся сила первого «тихого» хода. Также необходимо, чтобы все фигуры на доске были нужны для решения и лишних фигур не должно быть.

Кроме того чем больше вариантов в задаче, тем она труднее, а значит, и красивее и ценнее.

Между тем в обеих задачах Яши Эстрина на первом ходу дается шах, кроме того в одной из них (белые: Kp1, Le1, Lh1, Kg6, пешка h5. (5) черные: Kph7, Ff5, пешка f6 (3) — мат в два хода, решение очень простое и найти его легко, а вторая задача (белые: Kphl, Fe6, Lal, Kg3 (4) черные: Kpg7, Fb8, пешки a7, g6, h7 (5)—(мат в три хода) даже не решается, так как после 1. Kg3—f5 + 1. g6 : f5 2. Lal—gl+2... черные отвечают 2. Fb8—g3, и мат получается не в три, а в четыре хода.

Е. Коминику (Ростов на Дону). Все, что я написал по поводу задач Яши Эстрина относится и к задаче Е. Коминика.

Советую решать побольше задач и читать о технике их составления, а также играть в шахматы, записывая свои партии.

Рекомендую достать и прочитать книжки: Л. Исаева «Как составлять шахматные задачи»; Гуляева, Исаева и Барулина «300 шахматных задач».

ляется, и все его тело покоится твердо на задних ногах и на хвосте как бы на треножнике. Кенгуру в таком положении выше даже высокого человека. Вот какие большие бывают кенгуру! А рождаются они до смешного маленькими. Новорожденный кенгуренок не больше наперстка, совершенно голый и неспособен передвигаться. Это — комочек мяса с четырьмя отростками — ногами, причем задние отростки — будущие могучие задние ноги — гораздо короче передних, а у взрослого кенгуру — наоборот. Мать засовывает кенгуренка в сумку—кожаную складку на брюхе. В сумке кенгуренок сидит до двух месяцев, не отрываясь от соска и питаясь только молоком. А потом он, уже покрытый шерсткой, начинает выглядывать из сумки, но еще долго не покидает это теплое и мягкое убежище. Забавно смотреть, как, в то время когда пасется мать, изгибаясь и припадая к земле брюхом, кенгуренок высовывает головку из сумки и тоже грызет травку. Еще 2 месяца спуся кенгуренок вылезает из сумки, уже сильно растянутой, но, погуляв, опять возвращается «домой», головой вперед залезая обратно в сумку. Лишь 7—8 месяцев от роду, достигнув величины приблизительно в одну треть матери, молодой кенгуренок окончательно покидает сумку, в которую, правда, он еще не раз пытается влезть, но уже безуспешно!

Кенгуру бегает только на задних ногах, большими прыжками. Наш любимый кенгуру «Вася» на большой поляне Московского зоопарка иногда скакал с большой легкостью и быстротой, делая прыжки в 7 метров. А на родине — в Австралии, на свободе кенгуру делают прыжки длиннее 10 метров.

Кенгуру Зоопарка очень хорошо распознают людей: одних они любят, на других бросаются, стараясь их оцарапать и ударить лапами (что далеко не безопасно!), к третьим они относятся безразлично.

Не менее примечательны и страусы-эму. Это крупная нелетающая птица, достигающая 60 килограммов веса, с очень сильными ногами. Ударом ног эму может насмерть убить человека.

Самка эму откладывает до 20 крупных (по 500—600 граммов) темнозеленых яиц. На этом, однако, кончаются все заботы самки о потомстве. Высиживает яйца самец, который 50—52 дня не сходит с яиц, не пьет и не ест ничего. За время насиживания он сильно худеет. Но все же и после вывода страусят самец эму еще дней 10—16 ничего не ест, а весь корм, который находит или получает, отдает молодым. Лишь после того как страусята окрепнут, страус начинает и сам поглощать корм и, если его достаточно, быстро восстанавливает свои силы.

Вот какой трогательный папаша, оказывается, страус-эму! Не даром страусята бегут как оголтелые на его характерное хрюканье и совершенно не откликаются на звуки, издаваемые самкой, напоминающие легкий барабанный бой: от матери страусятам нечего ожидать.

Изучив особенности насиживания у страусов-эму, Зоопарк наладил вывод страусов в инкубаторе. Инкубаторные страусята, само собой разумеется, так же отзываются на зов самца, как и страусята, выведенные страусом. Инстинкт, прирожденная привычка бежать на отцовский зов, передается по наследству, а не создается благодаря какому-то воспитанию со стороны отца. Поэтому и не удивительно, что страусята в последние дни перед выводом, еще в яйце, будучи уже почти сформированными, откликаются на отцовские звуки: такие яйца, положенные на гладкую поверхность, услышав хрюканье самца-эму, начинают двигаться, дергаться, вздрагивать. А на «барабанный бой» самки страусята в яйцах так же, как и после вывода, не отвечают, не колышатся.

Естественно было наше желание в Зоопарке соединить на одном загоне обоих главных представителей австралийского мира животных, австралийской фауны, как говорят зоологи. Мы допускали, что страусы вначале будут ссориться с кенгуру, гоняться за ними, что самка кенгуру для облегчения бега выбросит из сумки отягчающего ее кенгуренка, как это делают преследуемые кенгуру на воле. Мы допускали, что и кенгуру погонятся за страусами. Но поскольку поляна была большая, а кенгуру и эму быстроноги, мы думали, что они всегда смогут разойтись, уклониться от нежелательных встреч, а со временем привыкнут друг к другу. Но, оказалось, дело приняло совсем другой оборот.

Цена 30 коп.

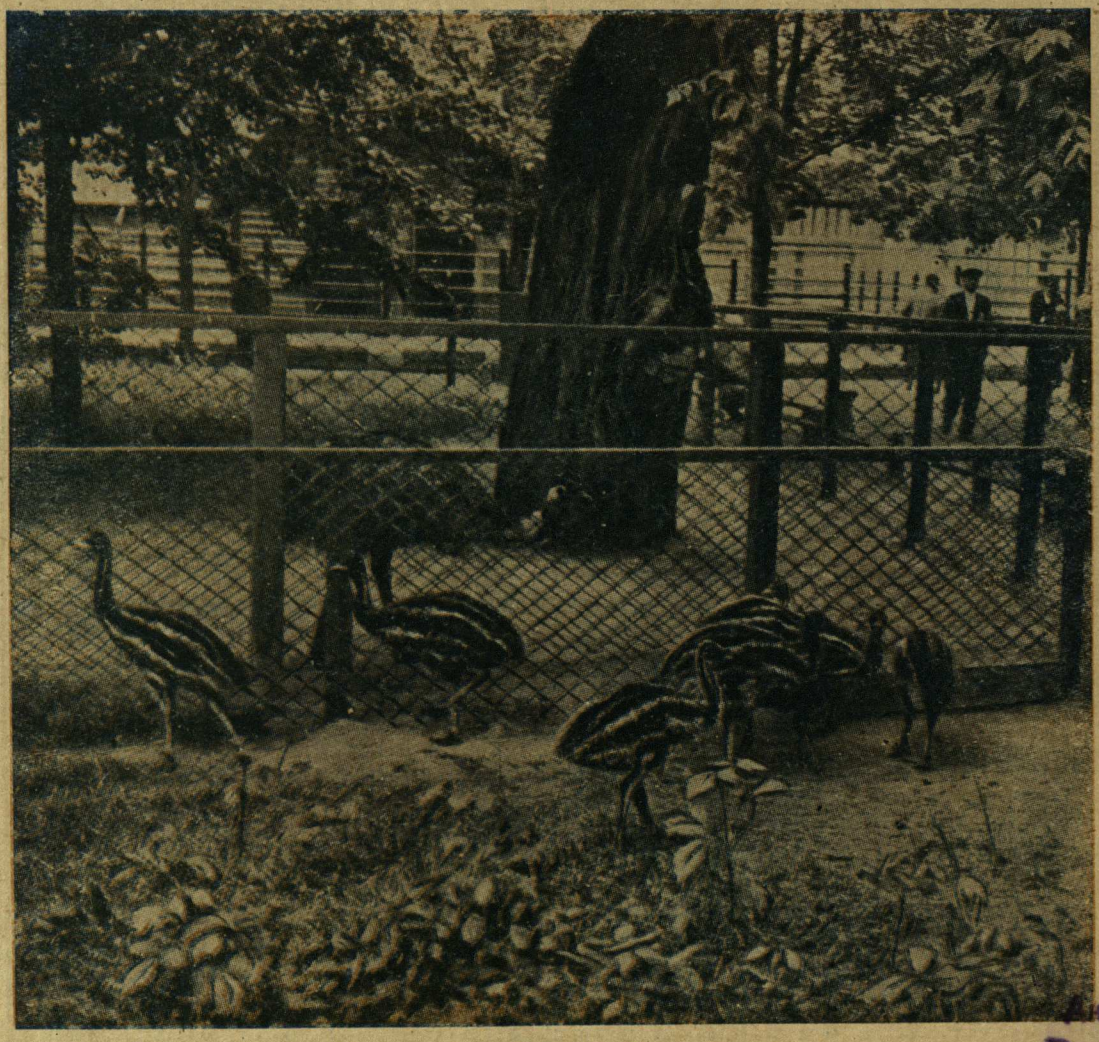
20126

Когда к кенгуру впустили эму, к нему немедленно тремя огромными прыжками вплотную подошел кенгуру. Эму и не пытался отступать, а принял боевую позу. Он приподнялся, вытянул шею и сразу стал значительно выше, как бы вырос на глазах. Кенгуру не замедлил подняться на задние ноги и опереться на могучий хвост, выпрямил и вытянул свое мускулистое тело и протянул свои передние короткие крепкие ноги к эму. Оба вытянутые в струнку противника стояли друг перед другом, не решаясь напасть, но и не желая отступать. Вдруг кенгуру обнял эму и резким движением повалил его на землю, упал вместе с ним и прижал его своим грузным телом. Положение эму казалось довольно опасным.

Но вот эму пустил свое оружие в ход. Его страшные ноги заработали с чрезвычайной быстротой, нанося могучие звучные удары мелкой барабанной дробью по натянутому, напряженному брюху кенгуру. Кенгуру быстро отскочил от эму и со свистом подпрыгнул высоко вверх, описав дугу в воздухе на высоте не менее 2 метров, и отошел в сторону. Он опять занял боевую позу, почесывая свой явно помятый живот. Эму тоже уже стоял, внимательно глядя на только что отогнанного противника. Пока что все обошлось благополучно, но и кенгуру и эму явно готовились к новым схваткам и новому наступлению. Такие энергичные бои могли кончиться очень плохо, и эму пришлось снова увести прочь от кенгуру, а попытку соединить их вместе признать неудачной.

Так сидят и поныне кенгуру на своей поляне, а эму разгуливают в своих загонах.

Австралийцы не пожелали жить вместе.



Страусята в Зоопарке.

М. 1935 г.
Акт № 112
Вкладн. л.

Отв. редактор Б. ИВАНТЕР Худ. редактор М. АСКИНАЗИ Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

Сдан в набор 21/VI—35 г., подписан к печати 17/VII—35 г. Изд. № 643 Формат 62 × 94 см. 1½ б. л. 135 009 п. зн. в бум. л.

Уполномоченный Главлита № Б—8951 Заказ № 1494 Тираж 60 000

Типография газеты „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 8.